

НИКОЛАЙ ЗЕНЗИН

**ДВА РАЗВЕДЧИКА
С УЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ**
РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ

г. Тюмень
2013

ББК 84Р1-44

3 47

Зензин, Николай Васильевич. Два разведчика с улицы Республики. Рассказы о чекистах / Н. В. Зензин. – Тюмень : АС-принт, 2013. – 118 с.

ISBN 978-5-906437-03-7

© Н. В. Зензин, 2013

ISBN 978-5-906437-03-7

© ООО «АС-принт», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Два разведчика с улицы Республики	8
Николай Кузнецов – Герой, разведчик	11
Зырянка, Талица	12
Тюмень. И снова Талица	14
Зырянка, потом Кудымкар	15
Свердловск и Москва	18
Разведчик Кузнецов в тылу врага	21
Персидские ковры	27
Акты возмездия в Ровно	28
Львов и бросок на восток	30
Бой за память о разведчике	31
Легенда разведки	34
Тайны живут рядом с ФСБ	36
Полковник Медведев и отряд «Победители»	40
Николай Струтинский –	
друг и соратник разведчика Кузнецова	44
Связной Николай Приходько	47
Валентина Довгер –	
разведчица и соратница Николая Кузнецова	52
Любимая радиостка разведчика Кузнецова	56
Абдулла Цароев –	
боевой соратник Медведева и Кузнецова	62
Всего в одном рукопожатии от разведчика Кузнецова	67
Фронтовик. Чекист. Герой	77
Чекист сражался под Москвой	80
Фронтовик, скульптор, автор памятников разведчику Николаю Кузнецкову	84
Разведчик Фитин из деревни Ожогино	88
Внешняя разведка и атомная бомба	94
Разведка и Курское сражение	98
Тюменские чекисты, война и СМЕРШ	102
Ветеранам войны	108
Правила жизни Николая Зензина, полковника ФСБ	114

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

14 августа 2014 года – 70 лет со дня образования Тюменской области, а ровно через 5 дней – 19 августа 2014 года – мы отмечаем 70 лет со дня создания Тюменского регионального Управления ФСБ. Мне легко обо всем этом писать, потому что последние 50 лет живу и тружусь в Тюмени. На работу в органы госбезопасности попал после института и двух лет работы инженером железнодорожной станции Ачинск, что недалеко от Красноярска. В Ачинске был избран членом бюро Горкома ВЛКСМ и в 1958 году с подачи чекистов по комсомольской путевке пришел на оперативную работу в Красноярское краевое Управление КГБ.

Но вернемся в Тюмень. Я благодарен судьбе за то, что она забросила меня в этот таежный край, где мне довелось стать свидетелем и участником грандиозных событий, повлиявших не только на развитие области, но и всей огромной страны. История Тюменской области – стремительная и красавая, трудная и легендарная, сложная и очень богатая на интересных людей и их подвиги. Именно тогда, в 60-80 годы теперь уже прошлого века, были заложены основы тюменской мечты – сделать нашу область успешной и процветающей, о которой сегодня говорит губернатор области Владимир Якушев. Темпы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в неимоверно трудных природных условиях, без налаженной инфраструктуры были ошеломляющими. Ни один регион в мире не шагал так быстро и уверенно. При сходных экономических и технических возможностях побеждали сила духа, самоотверженность, русская смекалка и находчивость, безоговорочная вера в свою победу. Наши люди решали тогда все! Недаром Владимир Якушев в своем послании областной Думе и всем трудящимся области 24 октября 2013 года однозначно сказал: «Не будем забывать, что главный наш ресурс – человек. Не нефть, не лес, даже не деньги – человек».

А каких людей вырастила и представила миру земля тюменская! Это выдающиеся руководители, экономисты и политики – первые секретари Тюменского обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина и Геннадий Павлович Богомяков, это сильнейший и умнейший организатор нефтяной промышленности Виктор Иванович Муравленко, это легендарные геологоразведчики Фарман Салманов и Юрий Эрвье, это гигант нефтегазовой науки

Иван Нестеров. Список можно продолжать, но благодарные тюменцы, да и жители всей России помнят и будут помнить имена людей, чьим потом и кровью, а иногда и жизнью создавалось благополучие Тюменской области, наполнялся бюджет Советского Союза, обеспечивалась оборона Отечества и поднимались в космос наши корабли.

Отдельной благодарности заслуживают тюменские авиаторы. Трудно сказать, когда бы мы добрались до нефти и газа, и когда бы получили те миллионы тонн и миллиарды кубометров ценнейших для страны углеводородов, если бы не авиация. Когда первая буровая в Шайме дала нефть, а это было в 400 километрах от областного центра, из Тюмени на Север не было ни автомобильных, ни железных дорог. Суровый климат и полное бездорожье были главными препятствиями на пути к большой нефти. Именно тогда в популярной песне чуть ли не каждый день пели: «Только самолетом можно долететь». Авиаторы взвалили на свои плечи и взяли на свои крылья все транспортные проблемы. А это миллионы тонн грузов и десятки миллионов строителей и пассажиров. Мне в те годы посчастливилось работать рядом с командиром Второго Тюменского объединенного авиаотряда Ласкиным Геннадием Павловичем и его первым заместителем Поляковым Владимиром Николаевичем. И я точно знаю, чего это стоило всем авиаторам и каждому из них. Награды они, конечно, получили, но думаю, что им можно бы и памятник поставить. А поставить его лучше в аэропорту «Рощино», прямо рядом с «Воротами Сибири», чтобы авиаторы встречали всех приезжающих в нефтяную столицу Тюмень. Если объявить сбор средств на этот памятник через СМИ, благодарные и отзывчивые тюменцы соберут средства быстро. Первыми внесут авиаторы, ведь не себе, а героическим первопроходцам и покорителям тюменского неба. А может, и собирать не придется, если генеральный директор ОАО «Авиакомпания ЮТэйр» Андрей Зарменович Мартиросов скажет, что на благое дело, да еще к юбилею области, сами найдем.

Немного о юбилее тюменского Управления ФСБ. Во вновь созданное 19 августа 1944 года Управление НКВД вскоре после нашей Победы 9 мая 1945 года стали приходить офицеры, возвращавшиеся на родину со всех фронтов Великой Отечественной. Были и контрразведчики из подразделений СМЕРШ, уже получившие боевой опыт фронтовой и зафронтовой

чекистской деятельности. В общей сложности в областном Управлении госбезопасности и его горрайаппаратах от Ишима до Ямала трудились тогда более 80 офицеров-фронтовиков. Это полковники Анатолий Чернецов, Дмитрий Быков и Геннадий Костенко, подполковники Петр Бабкин, Валентин Хоботов, Николай Поздняков, майоры Илья Адрев, Владимир Карпов, Василий Орлянский и многие, многие другие. И сегодня Управление ФСБ укомплектовано опытными кадрами, по своим оперативным показателям оно постоянно находится в группе лидеров среди всех областных и республиканских Управлений Российской Федерации.

К 70-летию Тюменского Управления ФСБ были собраны и подготовлены вместе с Советом ветеранов ФСБ материалы о наших разведчиках-земляках: Герое Советского Союза Николае Ивановиче Кузнецова и его боевых товарищах, генерал-лейтенанте, руководителе Службы Внешней Разведки СССР в годы Великой Отечественной войны Павле Михайловиче Фитине. Часть материалов в 2011-2013 годах публиковалась в газете «Тюменская область сегодня», многие материалы переработаны и дополнены, часть материалов публикуется впервые. Отдельные факты могут упоминаться в разных рассказах, но это повествования о различных людях, сражавшихся в одной великой войне и добывавших одну Победу. Некоторые фотографии ранее тоже не публиковались. Предлагаем все это вниманию читателей.

Николай Зензин, полковник ФСБ в отставке

*70-летию Тюменского регионального
Управления ФСБ посвящается...*

Два разведчика с улицы Республики

Говорят, что пути Господни неисповедимы. Думаю, что судьбы великих разведчиков мало предсказуемы.

Не так велика была Тюмень в начале прошлого века, и совсем коротенькой смотрелась тогда улица Республики, бывшая Царская, главная улица города Тюмени. Но именно на этой улице учились в 1926 – 1928 годах два наших земляка, два будущих легендарных разведчика Советского Союза Николай Кузнецов и Павел Фитин.

Никанор Кузнецов, тогда еще не Николай, 23 июня 1926 года окончил Талицкую школу-семилетку и в июле того же года стал студентом агрономического отделения Тюменского сельхозтехникума, где проучился до августа 1927 года. Техникум располагался на улице Республики в доме номер семь.

Павел Фитин, уроженец деревни Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии, в 1926 году окончил в городе Ялуторовске общеобразовательную школу, затем работал в селе Шатрово Курганской области пионервожатым и председателем бюро юных пионеров. В июне 1928 года как активный комсомолец был направлен в Тюмень на трехмесячные курсы подготовки для поступления в институт, которые были организованы при Тюменском окружном отделе народного образования. Курсы находились по улице Республики, дом 60.

Вот так судьба распорядилась поселить в городе Тюмени на одной улице почти в одно время Кузнецова Никанора и Фитина Павла. Кузнецов перевелся на учебу в Талицу в августе 1927 года, а Фитин поселился на улице Республики в июне 1928 года, всего через каких-то 10 месяцев после отъезда Кузнецова.

Весьма начитанный и одаренный юноша Никанор Кузнецов еще в Талице начал изучать популярный тогда язык эсперанто. Перед отъездом в Тюмень он узнал, что в городе тоже есть клуб эсперантистов и заранее раздобыл его адрес – улица Иркутская, дом 17 (ныне улица Челюскинцев). Вскоре после начала учебы в техникуме Никанор стал посещать и занятия в кружке эсперанто.

Внук Почетного гражданина города Тюмени Карнацевича С. И. краевед Анатолий Моношкин рассказал, что брат его бабушки юрист консультант Беседных Георгий однажды шел по улице Республики, где его остановил молодой человек, спросивший, как пройти на улицу Иркутскую, дом 17. Беседных ответил, что сам идет туда же и спросил: «Не в кружок ли эсперанто?» Тот ответил утвердительно, они познакомились. Молодой человек назывался Никанором Кузнецовым, пояснил, что уже изучал эсперанто в Талице, теперь поступил в Тюменский сельхозтехникум и желает продолжить изучение этого интересного для него языка. С этого времени они вместе в течение года изучали эсперанто в одном кружке.

Левая сторона улицы Республики была короткой и заканчивалась на пересечении с улицей Первомайской длинным одноэтажным зданием гастронома, где сейчас расположены магазин «Океан» и здание «Лукойла». Других подобных продовольственных объектов с разнообразным ассортиментом продуктов на Республике тогда не было, и большинство жителей отоваривалось именно там. Очень вероятно, что и студент Никанор Кузнецов, и курсант Павел Фитин ходили именно в этот магазин и, кто знает, может быть оба держались за одну и ту же ручку входной двери этого торгового заведения.

Учеба в техникуме давалась Никанору Кузнецову легко. Одновременно он осваивал эсперанто и немецкий язык, вступил в комсомол, активно участвовал в общественной работе. Для талантливого и разносторонне развитого юноши будущее могло быть весьма перспективным – успешное окончание техникума и продолжение учебы в Москве в престижной сельхозакадемии имени Тимирязева. В Москву он попадет, но позднее и абсолютно в другом качестве, а в академию имени Тимирязева по окончании подготовительных курсов в Тюмени поступил Павел Фитин.

В судьбе же Никанора Кузнецова произошел крутой поворот. 5 июня 1927 года в Зырянке умер его еще молодой 56-летний отец. Как старший теперь мужчина в доме Никанор уходит из сельхозтехникума и поступает в Талицкий лесотехнический техникум, чтобы быть ближе к семье и помогать маме воспитывать осиротевших детей. Сколько еще неожиданных поворотов случилось в яркой, неповторимой жизни Кузнецова, не смог бы придумать самый искушенный писатель. Его по доносу исключали из комсомола и потом восстанавливали,

арестовывали, сажали в тюрьму, освобождали и снимали все обвинения. 2 декабря 1930 года Кудымкарский городской ЗАГС зарегистрировал брак медсестры Чугаевой Елены и таксатора лесоустроительной партии Кузнецова Николая. Не Никанора, а Николая. С этого дня он навсегда стал Николаем Кузнецовым. Тогда для замены имени не требовалось дополнительных документов, и делалось это очень просто местными властями.

До Москвы он действительно добрался, но только в 1939 году и в качестве спецагента НКВД СССР. Здесь он жил и работал с паспортом на имя Рудольфа Шмидта. В его активе разработка видных сотрудников словацкого и германского посольств в Москве, проводивших под дипломатическим прикрытием враждебную Советскому Союзу работу.

С началом Великой Отечественной войны Николай Кузнецов рвался на фронт, но чекисты организовали его тщательную подготовку и обучение для зафронтовой разведки. В августе 1942 года он был переправлен в тыл противника в районе Ровно в партизанский отряд «Победители», которым командовал опытный сотрудник госбезопасности Дмитрий Медведев. В отряде его звали Николаем Грачевым, и только узкий круг лиц знал, что появившийся вскоре на улицах Ровно спокойный и уверенный оберлейтенант Пауль Зиберт есть разведчик Николай Кузнецов.

Павел Фитин после Тюмени успешно окончил сельхозакадемию имени Тимирязева, серьезно увлекся журналистикой, работал заместителем главного редактора всесоюзного издательства «СельхозГИЗ». В марте 1938 года по партийному набору был направлен в школу особого назначения НКВД СССР, в августе 1938 года пришел на работу в Пятый отдел внешней разведки, а с 26 февраля 1941 года возглавил всю Службу Внешней Разведки Советского Союза.

И все-таки судьба в 1943 году, хоть и заочно, опять свела Николая Кузнецова и Павла Фитина на сложных военных дорогах. Пауль Зиберт благодаря хорошо рассчитанной и блестяще исполненной оперативной комбинации сумел 31 мая 1943 года попасть на личный прием к всесильному наместнику фюрера на землях оккупированной Украины Эриху Коху. Кузнецов, славившийся умением устанавливать контакты, сумел расположить к себе Коха, и последний «поделился» с ним важными данными о подготовке Гитлером большого наступления на Восточном фронте. А в начале июня 1943 года Павел Фитин получил от своего

агента из лондонской резидентуры «Бланта» план крупной наступательной операции немцев под Курском. Перепроверенные и сведенные воедино эти важнейшие разведывательные сведения Кузнецова и Фитина позволили советскому военному командованию организовать мощный встречный удар, ставший началом полного разгрома фашистских войск.

Газета «Тюменская область сегодня» в разное время публиковала материалы о замечательных разведчиках Кузнецова и Фитине. Они вызывали большой интерес у читателей и журналистов. За проект «Герой. Разведчик. Легенда» редакция газеты на тюменском областном конкурсе в 2012 году получила диплом 1 степени, а в октябре 2013 года на 12 Всероссийском конкурсе – диплом 3 степени.

17-18 мая 2013 года в городе Кургане состоялось совещание представителей Советов ветеранов-чекистов Уральского Федерального округа. Чекисты решили поддержать начинания жителей села Ожогино и приняли два решения:

1. За выдающийся вклад в дело победы над фашистской Германией начальника Службы Внешней Разведки СССР генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина возбудить ходатайство перед Президентом РФ Путиным В. В. о присвоении Фитину П. М. звания «Герой России» (посмертно).

2. Организовать сбор средств и поставить Фитину П. М. памятник на его родине в селе Ожогино.

Да, надо ставить памятники героям Великой Отечественной войны, писать о них книги, слагать стихи и песни, чтобы люди знали, какой ценой далась нам Победа, чтобы потомки помнили и чтили всех, кто сражался в той страшной войне и вернулся домой, и тех, кто остался на поле битвы.

Николай Кузнецов – Герой, разведчик

Для чекистов Уральского федерального округа, для всех сотрудников госбезопасности России 2011 год был годом столетия со дня рождения Николая Ивановича Кузнецова, легендарного разведчика, Героя Советского Союза. Родился он 27 июля 1911 года, погиб в бою за свободу и независимость нашей Родины 9 марта 1944 года. Ему шел всего 33-й год.

Зырянка, Талица

Родился Николай Иванович в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье Ивана Павловича и Анны Петровны Кузнецовых. Он был третьим ребенком. Старшие – две сестры Агафья и Лидия, младший – брат Виктор. Родители и деревенский батюшка дали ему старинное имя Никанор, которое он, будучи взрослым, сменил на имя Николай. Но в семье и в школе его всегда звали Ника.

Отец Иван Павлович семь лет отслужил в Санкт-Петербурге в Его Императорского Величества grenадерском полку. Проявил себя дисциплинированным воином, отличным стрелком, за что неоднократно награждался. За время службы научился читать и писать, чем очень удивил неграмотную Зырянку. После возвращения из армии и женитьбы построил дом, много работал, купил коней, считался зажиточным мужиком. Революцию 1917 года принял как должный ход истории. Однако в 1920 году по ложному доносу был арестован отделом ГПУ, но вскоре был освобожден. А вот «темное пятно» осталось, и позднее оно сыграло роковую роль в жизни старшего сына.

Детей в семье любили, всех мечтали выучить. Агафья окончила Камышловскую женскую гимназию и стала учительницей, позднее работала в Увате Тюменской области.

Ника рос крепким, здоровым мальчиком, развивался не по годам быстро. Уже в шестилетнем возрасте с помощью сестер научился чтению и письму. Легко запоминал услышанное, бойко декламировал лермонтовское «Бородино» и «Братьев-разбойников» Пушкина. В Зырянскую школу пошел в 1918 году. Это была школа-пятилетка в трех километрах от дома. Отца радовали отзывы учителей о сыне, а еще больше – его усердие и настойчивость. Снег ли, дождь ли или мороз трескучий, а он спешил за три версты в свою школу. На уроках Ника был внимателен и прилежен. У девчонки стал признанным лидером. Лучше других играл в бабки, хорошо плавал, отлично ездил верхом, был прекрасным рассказчиком. У своего дяди Гриши научился играть на гармошке и весело распевал взрослые песни под собственный аккомпанемент.

В мае 1924 года Ника получил свидетельство об окончании

пятилетки, а осенью его проводили в Талицу в шестой класс. Для мальчишки из захолустной Зырянки Талица с ее заводами и железной дорогой показалась большим городом из прочитанных им книг.

Парня из Зырянки одноклассники приняли за сына военного. И не только потому, что зимой он ходил в полушубке, подпоясанном ремнем с бляхой, и в белой кубанке, сколько по своему поведению. Он жил по составленному распорядку дня, все делал в установленное для себя время. Отвлечь его от этого порядка не удавалось никому.

Школа в Талице была естественным центром жизни учащейся молодежи. Небольшие кружки – литературный, театральный и музыкальный, зародившиеся в ее стенах, привлекали учащихся. Ника был первым среди них. Настоящим событием стала постановка отдельных сцен из знаменитой пьесы Тренева «Любовь Яровая». Все кружковцы рвались к героическим ролям своих – красных, и потому их просто поразил семиклассник Ника. Он сам вызвался сыграть роль врага – жестокого, умного и циничного белогвардейского офицера. И сыграл! Да так, что все надолго запомнили его в этой непростой для подростка роли. Братьсяя за самое трудное стало навсегда одной из главных черт характера Кузнецова.

В эти же годы впервые проявились его незаурядные лингвистические способности. Больше других школьных предметов он любил литературу, русский и немецкий языки. Заряд увлечения дала преподаватель Нина Николаевна Автократова, великолепно знавшая немецкий и французский, которые она когда-то хорошо освоила в далекой Швейцарии. Не довольствуясь занятиями в классе, Ника много свободного времени отдавал дружбе с преподавателем по труду. Он был из бывших военнопленных немцев, осевших на уральской земле. С ним Ника упражнялся в разговорной речи, набираясь живых фраз и выражений. Третим наставником по немецкому языку стал провизор местной аптеки, тоже бывший военнопленный из Австрии Вильгельм Краузе. Ника понял, что грех упускать такую возможность – говорить по-немецки с людьми, для которых этот язык является родным.

Тюмень. И снова Талица

23 июня 1926 года в возрасте четырнадцати лет Кузнецов окончил Талицкую фабрично-заводскую семилетку. Отец, всю жизнь трудившийся на земле, мечтал видеть сына агрономом. Осенью этого же года к радости отца Ника поступил в Тюменский сельскохозяйственный техникум на агрономическое отделение.

В новом коллективе Кузнецов обжился быстро, вскоре его приняли в комсомол. Он почувствовал себя старше, потому что теперь ему наравне со взрослыми приходилось ходить на собрания, заниматься в политкружке, участвовать в трудовых субботниках. Он становится одним из самых активных общественников сельхозтехникума.

Учился он с удовольствием, учеба давалась легко. Несомненно, он стал бы хорошим агрономом. Не исключено, что мог бы дорасти до видного деятеля сельского хозяйства. В родной Зырянке он часто работал рядом с отцом, и любовь отца к земле, конечно, передалась и сыну.

Но судьба распорядилась по-другому. В конце 1927 года незадолго до окончания курсовых экзаменов в техникум пришла телеграмма: «Умер отец». Ника срочно возвращается в Зырянку. Теперь он стал старшим мужчиной в доме. Он хочет остаться в деревне, но вся семья энергично восстала против такого решения. Последними словами отца были: «Нику обязательно учите дальше». Он едет в Тюмень, объясняет в техникуме свою ситуацию и заявляется в Талице со справкой: «Тюменский сельскохозяйственный техникум сообщает, что гражданин Кузнецов Н. И. окончил первый курс техникума, причем к учебным занятиям, как теоретическим, так и практическим относился добросовестно. Причина перевода – смерть отца, желание быть ближе к дому и стремление получить образование по лесному делу». Совет Талицкого лесного техникума удовлетворил заявление Ники и принял его в студенты. Но учиться теперь стало сложнее, так как на нем лежала и обязанность помогать семье. Тем не менее, Ника не позволил себе отставать от однокурсников.

Лесная наука требовала топографического черчения, знания геодезии и топографии, умения читать карты и планы, ориентироваться на местности, особенно в лесу в ночное время,

ходить на лыжах и стрелять из оружия. Неправда ли, почти программа курсов разведчиков?

Однако уже в первые месяцы учебы Ника испытывает серьезные материальные затруднения. У семьи не мог просить ни копейки. И он вынужден дважды обращаться к руководству техникума с просьбой о назначении ему стипендии. В то время это был очень сложный вопрос. И все-таки со второй попытки стипендию он получил. При жесткой экономии она позволяла сводить концы с концами. Тем не менее, Кузнецов воспрял духом. Успешную учебу он сочетает с активной общественной деятельностью. Его избрали в профсоюзный комитет техникума, затем председателем профкома. Он член бюро ячейки ВЛКСМ, председатель контрольной комиссии. И везде он активно работает, занимает принципиальные позиции. Вместе с тем ухитряется еще и помогать домашним по хозяйству.

Понятно, что правдолюбец Кузнецов нравился не всем. Ника осмелился обвинить комсомольского вожака техникума Федора Семенова в тайных выпивках, стяжательстве и беспринципности. Ответ последовал немедленно. Семенов с помощью своих людей, используя связи, сумел собрать нужные ему данные на отца Ники: «Кузнецов И. П. жил зажиточно, эксплуатировал чужой труд, бежал с колчаковцами, не одобрял действия большевиков». 5 декабря 1929 года на заседании бюро был рассмотрен вопрос «О социальном происхождении комсомольца Кузнецова Н. И.». Припомнили ему и связи с немцами. Его исключили из комсомола и попросили руководство техникума отчислить из числа учащихся. Не будучи уверенным в поддержке, Семенов на общее собрание комсомольцев вопрос не выносил, а сразу отправил документы в райком ВЛКСМ, где и утвердили решение низового органа.

Ника ушел из техникума со слезами на глазах, но твердо заявил: «Я докажу, что со мной поступили несправедливо». Так закончилась юность Николая Кузнецова. Впереди ждали новые испытания.

Зырянка, потом Кудымкар

После исключения из комсомола и отчисления из техникума Кузнецов Н. И. не мог оставаться в Талице. Дорога одна – в родимую Зырянку, к своей семье. Мама поплакала, узнав горькие вести от сына, но Ника твердо сказал: «За правду буду стоять!».

Сидеть без дела он не хотел и сразу устроился в местную коммуну «Красный пахарь». Трудился на подвозке сена и дров, работал на скотном дворе.

31 января 1930 года бывший комсомолец направил длинное письмо в Тюменский окружком ВЛКСМ, в котором подробно написал о себе и об отце. Ответа не последовало. Через два месяца он пишет заявление в Москву ответственному секретарю ЦК ВЛКСМ. Письмо прочитали и переправили на рассмотрение в Тюмень.

А над головой Ники сгущаются новые тучи. Во время очередной чистки в коммуне уполномоченному райкома партии не понравилась фамилия Кузнецова, и он настоял на исключении Ники из коммуны. Положение было безвыходным, и Кузнецов покидает Зырянку.

В центр Коми-Пермяцкого округа Нику пригласил товарищ по учебе в лесотехникуме Иван Исыпов: «Здесь острая нужда в специалистах леса, а у тебя – первый семестр третьего курса техникума». В окружном земельном управлении радушно встретили прибывшего уральца, сразу зачислили на должность помощника таксатора лесоустроительной партии. В его обязанности входили учет и материальная оценка леса, составление технических характеристик древостоев, определение запасов древесины в них. Работа в лесу не для слабых, расчистка просек и завалов требовала больших физических усилий. Но Ника хорошо освоил эту работу. Более того, по вечерам у костра он читал всей бригаде горьковскую «Мать», фурмановского «Чапаева». Иногда читал на немецком стихи Гете, Гейне и Шиллера. Его не понимали, но слушали. Иногда пытались отговаривать от изучения чужого языка. Но Ника был непреклонен. Он продолжал читать в подлиннике немецких авторов, искал и находил из числа ссыльных людей тех, кто в совершенстве владел немецким. В это же время он начал активно осваивать трудный коми-пермяцкий язык.

В кругу товарищей Кузнецов познакомился и стал постоянно встречаться с медсестрой окружной больницы Леной Чугаевой, которая была секретарем комсомольской ячейки больницы. Товарищеские отношения переросли в более близкие, и 2 декабря 1930 года в местном ЗАГСе был зарегистрирован брак Чугаевой Елены Петровны и Кузнецова Николая Ивановича. Не Никанора, а Николая. Это было первое официальное упоминание Кузнецова как Николая. Однако

через три месяца семья внезапно и необъяснимо распалась, и брак был расторгнут.

В ноябре 1931 года завершилась двухлетняя борьба Кузнецова за восстановление в комсомоле. Президиум Уральской областной конфликтной комиссии ВЛКСМ рассмотрел его заявление и отменил решение Талицкого райкома об исключении. Ника был восстановлен в рядах ВЛКСМ.

И вновь он оказывается в числе комсомольских активистов, выполняет регулярные задания окружного исполкома.

По воспоминаниям сослуживцев, Кузнецов в те годы был строен, носил модную юнгштурмовку или полу военное пальто с портупеей и фирменную «лесную» фуражку. По характеру был спокойным, выдержаным. Не курил, к алкоголю относился с абсолютным равнодушием. Когда был создан коми-пермяцкий драмтеатр, Николай стал ходить на его спектакли, не пропускал и новые фильмы в кинотеатре.

Однажды Николай, обеспокоенный нападениями бандитов в лесу на сборщиков живицы, обратился в райотдел ОГПУ к уполномоченному Овчинникову И. Ф. Разговор получился продолжительным и обстоятельным. Собеседники произвели благоприятное впечатление друг на друга. Чекисты во всем разобрались самым внимательным образом. Позднее Николай познакомился еще с одним сотрудником окротдела Радостевым Е. Е., получившим орден Красного Знамени за разведку в годы гражданской войны. Его воспоминания о былых операциях захватывали Кузнецова. Возможно, они и побудили его стать «бойцом невидимого фронта». Тогда, да и во все другие времена, было обычной практикой, когда патриотически настроенные граждане помогали органам безопасности защищать интересы своего Отечества.

В 1933 году Кузнецова постигло тяжелое горе – 21 марта после непродолжительной болезни умерла мать Анна Петровна. Он даже не смог успеть на ее похороны.

А в конце этого же года лесоустроительная партия была ликвидирована. За полтора года Николаю пришлось сменить несколько мест работы, все они были временные. И он решает перебраться в Свердловск, где уже обосновались сестра Лидия и брат Виктор.

Свердловск и Москва

В июле 1934 года Лида и Виктор встретили брата. Все сошлись на том, что в столице Большого Урала жилось немного лучше, чем в деревне и в Коми. Николай устроился на должность расщеховщика бюро техконтроля конструкторского отдела Уральского завода тяжелого машиностроения. За короткий срок он освоил возложенные на него обязанности.

Ветеран Уралмаша Шеломов В. С. вспоминал, что общительный, волевой и целеустремленный Кузнецов успевал и умел многое. Он хорошо стрелял, бегал на лыжах, занимался альпинизмом, декламировал стихи, умел перевоплощаться в артиста, посещал специальные курсы немецкого языка, регулярно контактировал со специалистами из Германии, работавшими на заводе. Среди них выделялся своей эрудицией Генрих Затлер. К нему тянулись и его соотечественники, и советские инженеры. Кузнецов не мог обойти этого человека. Став его приближенным, он завоевал прочные позиции в немецкой колонии. Немцы удивлялись, откуда у Николая такое прекрасное произношение. Хотя их должно было бы насторожить другое – почему этот русский носит европейские одежды вопреки принятой тогда моде и беспрепятственно встречается с немцами, как на работе, так и на отдыхе.

На заводе совершили несколько больших поджогов и аварий. НКВД искал виновных. Затлер с друзьями попали в тюрьму, как «агенты германской разведки». Не избежал ареста и Кузнецов, но вскоре был освобожден благодаря чьему-то заступничеству. Выйдя из тюрьмы, «Колонист» временно оказался без работы.

Судьба улыбнулась Николаю из Кудымкара. Его пригласил к себе советником по лесному хозяйству вновь назначенный наркомом НКВД Коми АССР Журавлев М. И., с которым они были знакомы ранее. Вскоре он познакомил «Колониста» с одним из руководителей советской контрразведки в Москве. Мотив – человек с такими блестящими лингвистическими способностями, даром перевоплощения и отменными личностными качествами должен использоваться на более серьезной работе в центральном аппарате.

Когда Кузнецов появился в кабинете московского чекиста, тот был изумлен: настоящий ариец, роста выше среднего, стройный, крепкий блондин с серо-голубыми глазами. Оформили

«Колониста» особо засекреченным спецагентом с окладом кадрового сотрудника центрального аппарата НКВД, поселили на конспиративной квартире. Руководил его работой опытнейший чекист Ряской В. С.

Первостепенной задачей Кузнецова определили разведывательную деятельность среди дипломатического и технического персоналов посольств Германии и Словакии. В дело решили ввести под видом Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, российского немца, работающего инженером-испытателем Московского авиационного завода № 22, крайне недовольного политикой коммунистов.

Шмидта вывели на интересующего советскую контрразведку советника миссии Словакии Гейзу Крно. Он отлично говорил по-русски, занимался шпионской работой, попутно приторговывал швейцарскими часами, которые высоко ценились в Москве. Кузнецов предстал перед ним оптовым скопщиком. Сошлись они довольно быстро. Крно стал доверять Шмидту и начал обучать его методам конспирации. Вскоре он свел его с личным камердинером немецкого посла и, естественно, разведчиком Генрихом Флегелем. Последний с упоением берется прививать «оторвавшемуся соотечественнику» любовь к фатерлянду и фюреру. Шмидт, в свою очередь, настолько убедил Флегеля в преданности девизу: «Дойчланд юбер алле!», что тот решает привести его в квартиру посла. После этого визита в советской контрразведке появились точный план расположения комнат и подробное описание кабинета посла Германии в Москве. Это была важная для НКВД информация.

Кузнецов работает чисто. На одной из встреч Крно радостно сообщает, что говорил о нем с военным атташе, генералом Кестрингом. Тот очень заинтересован в сотрудничестве со Шмидтом, просил передать, что твердо обещает в случае необходимости снабдить Шмидта соответствующими документами и помочь перебраться в Германию.

Словак настолько уверился в порядочности компаньона, что поручил ему одному встречу «со старым знакомым» в Черновцах. Кузнецову организовали командировку на Украину, и там он сумел раскрыть сотрудника кайзеровской разведки «Нахристендинст» Кестнера, скрывавшегося под видом предпринимателя-ювелира.

«Одной из наиболее интересующих нас фигур, – вспоминал В. Ряской, – был в германском посольстве военно-морской атташе

Норберт фон Баумбах, активный разведчик, прекрасно владевший русским». Он жил один без семьи на улице Воровского. Дома имел сейф, где хранил секретные документы. Квартира никогда не пустовала. В его отсутствие там находилась горничная из русских немок, миловидная особа лет тридцати. Стояла задача – узнать содержание его документов.

Кузнецов на нейтральной почве познакомился с горничной, завязал с ней роман, изучил, когда Баумбах не бывает дома. В подходящий день он пригласил горничную в кинотеатр. Чекисты в это время проникли в квартиру, вскрыли сейф и пересняли все документы. Это была сложная и ответственная операция!

Апрельским днем 1941 года Кузнецова срочно вызвали на встречу и предложили изучить толстый том с документами на третьего секретаря германского посольства Мюллера, кадрового сотрудника Шестого управления РСХА.

Николай «случайно» встретился и познакомился с Мюллером в поезде во время поездки в Черновцы. В разговоре, сначала в коридоре вагона, затем в ресторане поезда Мюллер представился Львом Николаевичем, работником физкультуры, а Кузнецов – Рудольфом Вильгельмовичем, авиационным инженером. По инициативе первого договорились встретиться в Москве.

В городе Николай Иванович впервые в жизни ощутил за собой слежку. Его вел Мюллер, а за Мюллером шли чекисты. В отчете о встрече Кузнецов написал: «...искусством выспрашивания Мюллер владеет великолепно. Это очень серьезный противник».

На одной из последующих встреч в Сокольниках Мюллер раскрылся: «Я немец, сотрудник германского посольства». Предъявил Николаю свой дипломатический паспорт. «Советский немец» выглядел потрясенным. Помедлив, он согласился на сотрудничество «не видя другого пути».

По сценарию, предложенному Мюллером, под контролем чекистов заработал канал «утечки ценной информации о военно-воздушных силах СССР».

24 апреля 1941 года состоялась последняя встреча с камердинером немецкого посла Флегелем. Он заявил Кузнецову: «Ситуация такова, что мы пакуем чемоданы. Возможно, начнется война. Мы предложили СССР присоединиться к пакту трех держав (Германия, Италия и Япония), но он отказался. Поэтому придется, вероятно, силой навести здесь порядок». Эти слова легли в срочное донесение Николая руководству.

Еще раньше с помощью Кузнецова Н. И. чекист Рясной В. С. завербовал сотрудника словацкого посольства Крно. Он регулярно информировал чекистов о разговорах в посольстве Германии, о продвижении немецких войск в сторону СССР.

Подводя итоги, генерал Рясной твердо говорил: «Мы тогда много получили из операций с фон Баумбахом, Кестингом и Крно. Мы уже знали, что германские войска подошли к границам Советского Союза и что нападение будет 22 июня».

И главную роль во всех этих операциях сыграл Кузнецов Николай Иванович.

Разведчик Кузнецов в тылу врага

22 июня 1941 года, воскресенье, Николай планировал отдохнуть. Но в полдень по Всесоюзному радио нарком иностранных дел Молотов сообщил стране, что в 4:00 утра германские войска без объявления войны перешли наши западные границы и напали на Советский Союз. Прозвучали Указы о мобилизации военнообязанных и введении военного положения в прифронтовых областях.

В военкоматы выстроились очереди. Кузнецов в них встать не мог, он не числился ни офицером, ни рядовым. Уже в первые дни войны он был внесен в список особых агентов для внедрения во вражеском тылу. Сначала «Колониста» забросили с разведывательной целью в тыл 9 немецкой армии группы «Центр». С заданием он успешно справился, после чего Николая Ивановича стали готовить в отряд особого назначения «Победители».

Все последующие недели и месяцы были заполнены самым напряженным трудом, какой когда-либо доставался Кузнецovу. Подготовка занимала едва ли не круглые сутки. Ему помогали старые чекисты с большим опытом разведывательной работы.

Прыжки с парашютом. Ориентирование на местности. Стрельба из всех видов советского и немецкого личного оружия. Владение холодным оружием и приемами самбо. Подрывное и шифровальное дело. И многое, многое другое.

Непрерывное повторение, до осколины в зубах, всех деталей разработанной чекистами легенды, его новой биографии, знать которую он должен был лучше настоящей. Пауль Вильгельм Зиберт. Лейтенант 230-го пехотного полка 76-ой пехотной

дивизии. Сын лесничего в имении князя Шлобиттена в Восточной Пруссии. После ранения под Курском, временно, до полного выздоровления, является чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта. Награжден орденом «Железного креста» второго и первого классов.

С целью практики и проверки чекисты поместили «Колониста» в лагерь немецких военнопленных в подмосковном Красногорске. Кузнецов предстал перед «соотечественниками» в мундире офицера. Лагерь дал Николаю Ивановичу живые уроки общения с солдатами и офицерами разного рода войск, помог усвоить тонкости взаимоотношений военнослужащих. Ни одного прокола не произошло. Значит, он был практически готов для внедрения в немецкую армию.

На украинском театре военных действий к началу 1942 года сложилась следующая ситуация. Столицей оккупированной Украины немцы избрали не Киев и не Львов, а город Ровно. Здесь разместили резиденцию рейхскомиссара Украины Эриха Коха, особо приближенного к фюреру человека. В Ровно осели многочисленные штабы и различные оккупационные учреждения. И вышло так, что эта новоявленная «столица» оказалась вне поля зрения советской разведки. Москва перед отрядом особого назначения «Победители» и вошедшим в его состав «Пухом» – Николаем Кузнецовым, поставила главной задачей организацию и ведение широкой разведывательной деятельности в Ровно и на стратегически важном железнодорожном узле Здолбунов. Надлежало создать необходимую сеть для осуществления разведки с привлечением местных подпольщиков и надежных людей. Особая роль отводилась «Пуху». А командаира отряда Медведева Д. Н. чекисты предупредили, что «Пух» для всех – Николай Васильевич Грачев, инженер с Урала, владеющий немецким. Больше никто ни о чем не должен знать!

К концу августа 1942 года отряд был переброшен через линию фронта и выдвинулся в район Ровно. Кузнецов тщательно готовился к выходу в город, подбирал себе помощников из особо надежных членов отряда.

И вот молодой пехотный лейтенант Пауль Зиберт в городе. Обращаться напрямую в какие-либо военные или гражданские немецкие учреждения он не мог из-за риска проверки и

возможного разоблачения. Поэтому главными объектами его внимания на первых порах стали места, где германские офицеры проводили свое неслужебное время. Это лучший ресторан города «Дойчегофф», ресторан на вокзале, казино, некоторые кафе и магазины с надписью «Только для немцев».

Теперь-то в полной мере пригодились его актерские способности, умение перевоплощаться, легко вступать в контакты, хорошая наблюдательность, отличная природная память. Делать хоть какие-то записи он не мог. Все надо было запоминать. Первые знакомства с немецкими офицерами постепенно перерастают в устойчивые связи. И вот уже пошла информация, очень разнообразная, но та, которой не хватало отряду и чекистам в Центре: о гарнизоне Ровно, о дислокации и передвижениях войск, о расположенных в городе штабах и оккупационных учреждениях, их функциях и порядке работы, о личных и деловых качествах их руководителей.

Установленный фашистской службой безопасности строжайший режим исключал для Кузнецова возможность пользоваться радио в городе. Ее бы быстро засекли. Поэтому собранные разведданные приходилось через связников доставлять в отряд или передавать через персональные «почтовые ящики» в обусловленных заранее местах. Так началась трудная, героическая работа разведчика Кузнецова в тылу врага.

Сталинградская битва была в разгаре. В окружение попала многотысячная группа немецких войск под командованием фельдмаршала Паулюса. Фашистское руководство срочно создает группировку «Дон» под командованием Манштейна и начинает перебрасывать ее к Сталинграду, чтобы помочь вырвать армию Паулюса из кольца советских дивизий.

По заданию центра в Ровно и на железнодорожном узле Здолбунов Кузнецов и его разведгруппа работают круглосуточно. «Прощупывается» каждый эшелон. Вот танковая дивизия из Франции. Пехотная дивизия из Голландии. Моторизованная из-под Ленинграда. Информация в Москву идет каждые несколько часов. Советское командование успевает организовать контроперации. Войска Манштейна отброшены. Армия Паулюса сдается в плен. Историческая битва за Сталинград выиграна. И в этом, несомненно, есть заслуга Николая Кузнецова и его товарищей.

Отряд получает новое задание. Центр сообщает, что по

некоторым, пока непроверенным данным, Гитлер перевел свою ставку куда-то на Украину. Задача: в кратчайший срок установить ее местонахождение. Но Украина велика. Немцы расчленили ее на четыре оккупационные зоны. В каждой зоне – свои порядки, свои документы и правила передвижения. Ясно, что ставка не в городе, она хорошо замаскирована и усиленно охраняется. Где и как искать?

Выручил Кузнецов с его пристрастием анализировать все увиденное, услышанное и прочитанное. Профашистская газета «Волынь» сообщила, что в Виннице состоялся оперный спектакль Вагнера, на котором присутствовал фельдмаршал Кейтель. Спустя короткое время, другая газета информировала о концерте Берлинской королевской оперы в Виннице, на котором побывал сам рейхсмаршал Геринг. Снова Винница, и опять высокий чин. Случайно ли? В это же время Николай Иванович следил за деятельностью рейхскомиссара Украины Коха. Один из сотрудников Коха сообщил, что тот уехал на некоторое время в Винницу. А другой приятель Зиберта из службы безопасности посетовал на свою неудачную поездку в Житомир. Вызванный туда на встречу с рейхсфюрером Гимлером он не застал последнего. Того срочно пригласили куда-то неподалеку. Но Гимлеру мог приказать только Гитлер и слово «неподалеку» географически могло означать Винницу.

Кузнецов и руководство отряда сделали однозначный вывод, что ставка фюрера находится в Виннице или поблизости. Нужно было взять «длинного языка», то есть хорошо осведомленного человека. Организовали подвижную засаду на шоссе Винница – Киев. Руководил операцией Зиберт, ему помогали переодетые в форму полицаев партизаны. Удалось захватить майора графа Гаана и имперского советника связи подполковника фон Райса. Допрашивал их Зиберт в своей военной форме. Он заявил фашистам, что война проиграна, Гитлер ведет Германию к национальной катастрофе. Он, Зиберт, решил служить русским и советует этим господам тоже быть благоразумными. Фашисты были шокированы. Они не сомневались, что перед ними немец. После долгих препирательств они выдали много важной информации, а главное – помогли расшифровать изъятую у них топографическую карту. На карте шифром было обозначено расположение ставки Гитлера под кодовым названием «Вервольф» недалеко от Винницы. Информация немедленно ушла в Москву.

А вскоре десять советских бомбардировщиков, сопровождаемых мощной командой истребителей, совершили налет на ставку Гитлера. 22 декабря 1942 года «Вервольф» перестал существовать.

Отдых в отряде длился недолго. И вновь Ровно, снова напряженная работа разведчика, все опять на грани риска. Кроме своих прямых действий Зиберт должен был постоянно помнить, что фашистский мундир, свастика на фуражке, «Железный крест» на груди могут стать мишенью для меткой пули народного мстителя. Пуля от своих!

Из Москвы в отряд поступило распоряжение уничтожить палача украинского народа гауляйтера Эриха Коха. Стали думать: где и как? В этот раз Кузнецов выступал в роли жениха, невесту играла радиостранница Валя Довгер, хорошо владевшая немецким языком.

Однажды в ресторане «Дойчегофф» на встрече с гестаповцем Миллером Зиберт предложил сесть за столик, где уже находился дрессировщик собак Коха ефрейтор Шмидт. Ужин Зиберт заказал на троих, в том числе и на Шмидта. Польщенный вниманием офицера дрессировщик разоткровенничался: «Гауляйттер доволен моей работой, но платит гроши». Зиберт подкупил ефрейтора неподдельным интересом к овчаркам, сказал, что мечтает иметь умную собаку, которую отвез бы на свою родину в Кенигсберг. За будущую услугу он вручил дрессировщику хороший задаток.

После нескольких приятных встреч Шмидт познакомил герра офицера с адъютантом Коха майором фон Бабахом. В ходе дальнейших встреч и бесед Бабах сказал однажды, что давно знает Пауля. Пояснил, что еще до войны он ездил с гауляйттером в леса под Кенигсберг на охоту, и там в имении Шлобиттена они познакомились с его отцом Отто Зибертом, управляющим этим хозяйством. Офицеры еще больше сблизились. Зиберт однажды пожаловался майору, что у его невесты Вали Довгер большие сложности с оформлением документов для проживания и работы в городе. Бабах пообещал устроить ей аудиенцию с Кохом и решить вопрос.

Группа Кузнецова срочно собралась, чтобы продумать и обсудить план ликвидации Коха. Время шло, Бабах молчал. Но вот 30 мая пришла записка от майора: «Оберлейтенанту Зиберту. Завтра в 14:00 прошу прибыть в рейхскомиссариат. Гауляйттер

готов принять Вас и Вашу невесту». Зная даже в общих чертах систему охраны резиденции и обеспечения личной безопасности Коха, Николай Кузнецов хорошо понимал, что любая попытка ликвидации фашиста, независимо удачная или нет, для него означает только одно – живым его из резиденции не выпустят. И он был готов идти на самопожертвование. Понимала это и Валя Довгер, а было ей всего-то 19 лет.

На следующий день вся группа выдвинулась к резиденции Коха. Николай и Валя в сопровождении Бабаха вошли во дворец. Сначала пригласили Валю, но она не смогла убедить Коха. Потом вошел Зиберт. Валя осталась ждать в приемной. Войдя в кабинет Коха, Кузнецов понял, что стрелять пока не имеет смысла. Не дадут. Два эсэсовца встали за его спиной, два были за занавесками, один – за креслом рейхскомиссара. Дрессированная овчарка лежала на полу, готовая по сигналу броситься на посетителя. Хозяин кабинета, не поднимая глаз, стал отчитывать Зибера за его «неразумный поступок» с Валей. Кузнецов тактично возражал и доказывал продуманность своего шага. Постепенно разговор вошел в нормальное русло. А когда выяснилось, что оберлейтенант и гаuleiter-земляки, и Кох даже встречался с отцом Зибера, беседа приняла теплый характер и растянулась на целый час. Под конец разговора Кох доверительно рассказал о «большом сюрпризе фюрера большевикам под Курском». И добавил: «Ваша часть, кажется, под Курском, возвращайтесь быстрее, там скоро будет очень жарко!». Когда Зиберт вышел в приемную, Валя от перенапряжения потеряла сознание.

На заявлении Вали было написано: «Оставить в Ровно. Оформить документы. Устроить на работу в рейхскомиссариате Э. Кох». Кузнецов мог быть доволен. Он психологически переиграл такого грозного соперника, как Эрих Кох. Он получил из первых рук очень ценную информацию о наступлении немцев под Курском. Валя будет жить в Ровно, а работать в рейхскомиссариате! Но на душе было неуютно. Да и в отряде мнения об операции разделились.

5 июля 1943 года началась битва под Курском, а 12 июля наши войска перешли в контрнаступление и разгромили около тридцати немецких дивизий. Этот удар окончательно разрушил планы Гитлера, и советские войска на всех фронтах уверенно двинулись на запад.

Не сбылся и прогноз Коха о невозможности открытия второго фронта, высказанный на встрече с Зибертом: «Американцы не такие дураки...». Второй фронт появился. Англо-американские войска высадились в Сицилии и вторглись в Италию.

Персидские ковры

Осенью 1943 года в казино Зиберт познакомился с штурмбанфюрером СС фон Ортелем. Офицеры понравились друг другу и быстро сошлись в суждениях. Вскоре Ортель предложил оберлейтенанту пехоты Зиберту сменить амплуа и стать разведчиком. При этом он добавил: «Вы мне чем-то глубоко симпатичны». Предложение было слишком неожиданным. Ответ нужно было срочно согласовать с Центром.

В это же время от майора Геттеля Кузнецов узнал, что фон Ортель имеет особые полномочия от Главного управления имперской безопасности в Берлине и связан с начальником шестого отдела Шелленбергом, ведавшим вопросами разведки за границей.

Помощница Николая Ивановича Майя Микота, числившаяся у немцев «секретным осведомителем гестапо» и работавшая с фон Ортелем, рассказала Кузнецову, что эсэсовец усиленно ухаживает за ней и много откровенничает. Он самодовольно поведал девушке, что начальством ему оказана большая честь, что «дело очень крупное и вызовет большой шум». Шеф собирается уезжать, но куда – неизвестно. А по возвращении он привезет ей в подарок персидские ковры.

Три шифровки одна за другой ушли в Центр. А через короткое время Майя сообщила про слухи о самоубийстве фон Ортеля. Но трупа не было. Так немцы попытались замаскировать срочный отъезд штурмбанфюрера.

28 ноября 1943 года в Тегеране открылась конференция глав государств СССР, США и Великобритании. Stalin проинформировал своих зарубежных коллег о раскрытом советской разведкой германском заговоре с целью ликвидации трех лидеров антигитлеровской коалиции Сталина, Рузвельта и Черчилля.

В конце декабря 1943 года газета «Правда» со статьей о событиях в Тегеране «добралась» до отряда Медведева. Прочитав сообщение о заговоре, Кузнецов понял, куда так срочно уехал фон Ортель.

Акты возмездия в Ровно

Путь Николая Кузнецова в разведку начался в 1938 году, когда по приезду из Кудымкара в Москву он был зачислен в НКВД СССР как особо секретный спецагент. Под руководством опытных чекистов центрального аппарата НКВД он прошел хорошую школу разведки и контрразведки. Первое и главное, к чему его готовили постоянно, это раз-вед-ка.

Назовем кратко его основные достижения. Это проверенная информация о подготовке Германии к вооруженному нападению на СССР и дате вторжения 22 июня 1941 года, данные о группировке Манштейна и Сталинградской битве, операция «Вервольф» (ставка Гитлера под Винницей), Курское сражение, предотвращение терактов в Тегеране.

Наряду с этим Центр в 1943 году ставит перед отрядом Медведева задачи по физическому уничтожению высших чинов оккупационных властей на Украине. Это могло бы внести панику в тылу врага, вызвать неуверенность в Берлине. И опять главной действующей фигурой становится Николай Кузнецов. Он хорошо осознает возможные ответные карательные меры со стороны фашистов в отношении мирного населения. И каждый свой шаг просчитывает, и оценивает, чтобы свести до минимума возможный ущерб для местных граждан.

Он знает, что не может не выполнить прямые указания Центра по ликвидации фашистских главарей. Но он отлично понимает, что если будет стрелять в городе, да еще одетый в форму немецкого офицера, вряд ли служба безопасности и гестапо станут искать тут партизанский след. И он действует именно так.

Первый в списке актов возмездия значился генерал Пауль Даргель, заместитель Коха по политическим делам. Вся Украина боялась его грозных приказов, за нарушение которых почти всегда грозила смерть. Операция по его ликвидации, проведенная Николаем Ивановичем и Николаем Струтинским, прошла успешно. На месте происшествия жандармы нашли трупы генерала и его помощника. Однако фашистские газеты сообщили, что двадцатого сентября 1943 года в Ровно убит советник финансов на правах министра генерал Ганс Гель и его адъютант майор Винтер. Стрелял человек одетый в форму немецкого офицера.

Кузнецов был крайне расстроен. Совпало все: генерал, адъютант, время и маршрут движения. Даргелю повезло. «В следующий раз документ буду проверять, прежде чем стрелять», – в сердцах заявил он. Но командование было довольно, крупный фашистский чиновник, генерал ликвидирован. И успешно.

По установившимся тогда в Советской Армии неписанным правилам за уничтожение вражеского генерала военнослужащий награждался Звездой Героя Советского Союза. Но это было в действующей армии, а Кузнецов сражался в тылу врага. И еще неизвестно, где было сложнее и опаснее. А итоги операции разведчик просто передал шифровкой в Центр.

Исполняя указания Верховного командования, отряд готовит новые операции. 15 ноября 1943 года вместе с группой помощников из отряда Николай Иванович похищает командующего «Восточными войсками» генерала фон Ильгена прямо из его собственного дома. А 16 ноября в здании немецкого Верховного суда на Украине от пули Кузнецова падает смертельно раненый главный судья Альфред Функ.

Операцию готовил Николай Иванович, он продумал каждый шаг, просчитал все по секундам. Функ каждое утро заходил в соседнюю парикмахерскую, затем поднимался на второй этаж суда в свой кабинет. К операции привлекли парикмахера и подпольщика Яна Каминского. Окончив бритье, парикмахер поднял угол занавески. Каминский возле здания суда снял фуражку. По этому сигналу Пауль Зиберт, прогуливавшийся у парадного подъезда, вошел в здание и поднялся на второй этаж. Вскоре он услышал, как хлопнула входная дверь, и быстро спустился по лестнице. Почти столкнувшись с Функом, Зиберт поклонился и, пропуская верховного судью, дважды в упор выстрелил в него. На крыльце суда Зиберт увидел двух офицеров, в недоумении смотревших на окна. «Вы слышали выстрелы?». Пауль тоже поднял голову вверх, пожал недоуменно плечами и спокойно направился по улице. Затем через проходной двор он выскочил на соседнюю улицу, где его ждала машина. Николай Струтинский рванул с места.

Внешне все просто. Но какие нужно иметь нервы, как владеть собой, чтобы все это проделать! При этом Николай Иванович полностью осознавал, что каждый акт возмездия может привести к его гибели. Он точно знал, что город переполнен немецкими войсками, полицейскими и гестапо,

улицы постоянно патрулируются. И что стоит этой армаде справиться с одним советским разведчиком, у которого в кармане всего лишь семизарядный пистолет. Полиция и гестапо искали оберлейтенанта.

В одном из интервью известный французский физик Жолио Кюри сказал: «Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний ответил: Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста, уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество».

Львов и бросок на восток

После сдачи Киева в ноябре 1943 года немцы начали перемещать свои учреждения из Ровно во Львов. Кузнецов заявил командиру отряда Медведеву, что все его «приятели» из числа немецких офицеров бегут во Львов, значит, ему и отряду надо передислоцироваться именно туда. Центр санкционировал это перемещение.

Не ожидая переезда всего отряда, Николай Иванович настоял перед Медведевым о своем немедленном прибытии во Львов в целях продолжения разведки. В помощники ему определили Яна Каминского и Ивана Белова. Заместитель командира отряда по разведке Лукин «продлил» командировочное удостоверение на имя не оберлейтенанта, которого уже искали, а гауптмана Пауля Зиберта.

Кузнецов-Зиберт с товарищами на машине оперативно добрались до Львова. Рации у них не было, отряд еще не подошел, и собранная информация быстро устаревала. Кузнецов решает заняться кем-нибудь из крупных гитлеровцев. Уже 13 февраля 1944 года газеты сообщили, что 9 февраля на улице Львова неизвестным, одетым в немецкую офицерскую форму, убиты вице-губернатор Галиции доктор Отто Бауэр и его ближайший сотрудник Гейнрих Шнайдер. Немцы поняли, что «оберлейтенант» перебрался во Львов. Для его розыска были срочно мобилизованы все имеющиеся возможности. А Кузнецов в это время по своим оперативным делам появился в германском штабе военно-воздушных сил на улице Валовой. Дежурный охранник провел его к начальнику штаба Петерсу. Последний потребовал документы. Прочитав командировочное удостоверение на имя

гауптмана СС Пауля Зиберта, он увидел серьезную ошибку: в СС нет гауптманов, а есть гауптштурмфюреры. Кузнецову пришлось первым применить оружие. Убегая, он не смог забрать злополучное удостоверение.

Петля затягивалась быстро. Николай Иванович принимает решение: немедленно уходить в лес. Несколько дней он с Каминским и Беловым бродит по Гановическому лесу в надежде выйти на отряд Медведева. Они встречают небольшую передовую группу Крутикова, но остаться в ней не согласились. Немного отдохнув и написав рапорт на имя одного из руководителей советской разведки о своих делах, совершенных в тылу врага, подписав его псевдонимом «Пух», Кузнецов решает самостоятельно пробиваться на соединение с Красной Армией. Конверт с рапортом он положил в верхний карман мундира. Как настоящий разведчик он предусмотрел все варианты развития событий, вплоть до гибели от пули советского солдата. И в этом случае, обнаружив рапорт, его похоронят, как своего.

После долгих скитаний по лесу Кузнецов, Каминский и Белов вышли на хутор Боратин и в ночь с 8 на 9 марта 1944 года зашли в хату местного жителя Голубовича. Вскоре они были обнаружены вооруженной группой бандеровцев и погибли в быстротечной схватке. Кузнецов взорвал гранатой себя и окруживших его врагов.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Ивановичу Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Бой за память о разведчике

Вокруг крупного разведчика в любой стране были и будут существовать тайны, которые не положено знать широкой публике. Герой Советского Союза Николай Кузнецов занимает в этом ряду достойное место. О нем написаны сотни книг и статей, сняты кинофильмы, сложены песни, во многих городах страны поставлены памятники и открыты музеи. Но поиски новых фактов, связанных с жизнью и подвигами прославленного разведчика, не заканчиваются, интерес к нему и сегодня не ослабевает. Это особенно заметно в связи со 100-летием со дня рождения Кузнецова.

Первую повесть «Это было под Ровно» о ярком представителе «невидимого фронта» опубликовал в 1948 году командир отряда «Победители» Дмитрий Медведев. А через три года появился его же роман «Сильные духом», который продолжил и заметно обогатил новыми событиями первоначальную повесть.

Молодежь, да и старшее поколение, зачитывались этими книгами. Медведев ездил по стране, часто проводил литературные вечера и встречи, посвященные Николаю Кузнецову. И нередко его ставили в тупик вопросы о последних днях жизни и месте захоронения разведчика, о чем он однажды поделился с боевым соратником Кузнецова Николаем Струтинским.

Они оба искали ответы на эти вопросы, каждый шел своим путем, но Струтинский оказался ближе к цели. Имея опыт партизанской войны и разведки, он после окончания войны поступил на работу в управление КГБ по Львовской области. Работая в Управлении, в 1958 году обратился к начальнику УКГБ с просьбой оказать содействие в установлении времени и места гибели Николая Кузнецова и его товарищей. Националисты Западной Украины и бандеровцы уже предпринимали попытки исказить факты и оклеветать имя советского разведчика.

Распоряжением руководства Управления была создана оперативно-следственная группа, которая проделала огромный объем работы. Струтинский и его помощники разыскивали и допрашивали бывших членов УПА – Украинской Повстанческой Армии – пособников фашистских оккупантов, местных жителей, пленных немецких офицеров, исследовали сотни архивных материалов. Ими была получена информация о том, что в начале марта 1944 года в селе Боратин в доме участника отряда УПА Степана Голубовича были захвачены группой повстанческой армии трое неизвестных в немецкой форме, один из которых при попытке их разоружить подорвал гранатой себя и нападавших. Это произошло 9 марта, ровно за год и два месяца до дня Победы.

С большим трудом Струтинскому удалось уговорить соседа Голубовича, тоже члена банды, показать место захоронения Кузнецова. В присутствии понятых, представителей власти, прокуратуры и КГБ могила была вскрыта и останки извлечены. По ряду признаков Струтинский был убежден, что он нашел останки именно Николая Ивановича. Но надо было еще доказать, что это останки разведчика Кузнецова. Нужна была авторитетная экспертиза.

После долгих поисков и консультаций Николай Струтинский обратился в Москве к Михаилу Герасимову, ученому с мировым именем, специалисту по пластической реконструкции Института этнографии академии наук СССР. Череп и 17 фотографий Кузнецова были переданы в академию. 24 декабря 1959 года Герасимов дал официальное заключение о том, что череп и фотографии принадлежат одному и тому же лицу. 27 июля 1960 года, в день рождения Николая Ивановича, состоялось торжественное перезахоронение останков легендарного разведчика Кузнецова во Львове на воинском кладбище «Холм Славы». Весь город вышел проводить в последний путь Героя Советского Союза Николая Кузнецова.

В феврале 1961 года был открыт первый памятник Николаю Кузнецову в Ровно, а в сентябре 1962 года и в городе Львове. На месте первого захоронения в урочище Кутыки Рябого в 1975 году была установлена памятная стела из титана, изготовленная по инициативе работников Уралмаша в Свердловске. В 1979 году был поставлен памятник и в селе Боратин Бродовского района Львовской области, где приняли последний бой Николай Иванович и его товарищи Ян Каминский и Иван Белов. Казалось, что правда и справедливость восторжествовали. Но борьба вокруг имени разведчика Кузнецова на этом не закончилась, и Николаю Струтинскому пришлось приложить немало сил на защиту доброго имени Николая Кузнецова. Сначала приходилось отбивать атаки высокой партийной номенклатуры, которой не нужны были яркие герои, да еще беспартийные. Она усиленно пропагандировала ведущую и решающую роль партии в победе над врагом. Свои интересы преследовали и украинские националисты, пытавшиеся объявить Кузнецова обычным диверсантом и террористом, чтобы хоть как-то обелить преступления Украинской Повстанческой Армии, Степана Бандеры и его сообщников перед украинским народом.

Большая волна «разоблачений» поднялась в Западной Украине в период распада СССР, когда все бывшие республики Союза получили самостоятельность. По-своему этим воспользовались украинские националисты. Они буквально взялись переписывать историю, не признавая прошлое страны, называли Советскую армию оккупационной, а героев войны с фашистами стали именовать бандитами. При молчаливом согласии новых «демократических» властей стали сносить памятники советским

героям. Не обошли «вниманием» и все, связанное с деятельностью нашего разведчика. Сожгли хату Голубовича, закрыли музей Кузнецова во Львове, переименовали названные в его честь улицы, пытались осквернить его памятники.

Глава администрации Талицкого района Свердловской области Вячеслав Князев, узнав о решении Львовских властей о демонтаже памятника Кузнецкову, срочно организовал группу уральцев для перевозки памятника в Талицу. В нее вошли и два тележурналиста. Николай Струтинский и его товарищи встретили и сопровождали группу, оказали всю необходимую помощь в демонтаже памятника и его перевозке. Заключительные кадры съемки выглядели довольно символично: бронзовый Николай Иванович едет в кузове грузовика, взглядываясь в улицы города и как бы прощаясь с ним навсегда. Он выполнял до последнего свой долг борца с фашизмом. А ненавидеть его могут лишь те, кто боится, что и после смерти этот легендарный разведчик опасен для них своей правдивой историей о войне.

В ноябре 1992 года Николай Иванович в бронзе возвратился на родную землю. На площади в Талице собирались все, от мала до велика, пришли зыряновцы встретить своего земляка. Были с ними и боевые друзья Кузнецова – Николай и Жорж Струтинские. Торжественное открытие памятника состоялось. В разное время в Талице побывали командир отряда Дмитрий Медведев, члены отряда Александр Лукин, Михаил Шевчук, Валентина Довгер и многие другие. Все они отмечали бережное отношение уральцев к памяти Героя: мемориальный музей, школьные уголки, памятники, названия улиц.

На памятнике Герою высечены любимые слова Кузнецова: «Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!».

Легенда разведки

Он к нам пришел через столетье,
А мы уже в другой стране.
И наши внуки, наши дети
Так мало знают о войне.

Не знают, как четыре года
На смерть сражались стар и мал,
Какой ценой далась свобода,
И кто Россию отстоял.
Немецким он увлекся с детства,
А отступать он не привык.
И он освоил тот немецкий
Как свой зыряновский язык.

А дальше – трудная учеба
И напряженная пора.
На оберлейтенанта проба
Прошла без дублей, на ура.

И Центр дает одну задачу,
Все остальное на потом.
Разведка, и ничто иначе,
Залог победы над врагом.

И хоть в легенде было чисто,
Но в Ровно – это уже бой.
Ты здесь один, кругом фашисты,
Страна родная за спиной.

Отметить надо непременно,
На сердце руку положа.
Ходил разведчик ежедневно
Почти по лезвию ножа.

В разведке он, пожалуй, гений,
К «Вервольфу» шел не наугад.
В победу вклад его бесценен:
Курск, Тегеран и Сталинград.

В день юбилея, безусловно,
Почтим его мы всей страной.
Его дела в боях под Ровно
Взошли Геройскою Звездой!

Николай Зензин

Тайны живут рядом с ФСБ

Готовя к публикации материалы о разведчике Николае Кузнецова, мы в Совете ветеранов Управления ФСБ столкнулись с тем, что по Кузнецкову их довольно много. А вот об авторе памятника Кузнецкову – Алексее Клюкине – их почти нет. Но ведь именно он, тюменский скульптор Алексей Клюкин, создал замечательный, неповторимый скульптурный портрет Николая Ивановича. Именно он подарил нам возможность в памятные и любые другие дни приходить в сквер сельхозакадемии к монументу Героя Советского Союза Кузнецова, постоять, помолчать, поклониться Николаю Ивановичу, возложить цветы. Особенно много народа и цветов было 27 июля в столетний юбилей со дня рождения Кузнецова.

И было бы несправедливо в этот торжественный день не вспомнить скульптора Клюкина. По этой причине я решил еще в феврале 2011 года начать поиски сведений о нем. Местные краеведы о Клюкине почти ничего не написали. Начал поиски традиционным путем: областной архив, Союз художников, сельхозакадемия, музей и архив ФСБ. Все безуспешно. Пошел по улице Республики: дом Машарова, дом Блюхера и другие, результат тот же.

В один из дней я вышел из здания ФСБ и решил поблизости пообедать. Рядом с ФСБ, угол улиц Хорякова и Первомайской, стоит скромное старинное здание. Табличка – «Памятник деревянного зодчества, охраняется государством». В нем кафе. Зашел и внутри обнаружил целый музей старинных вещей и предметов. Интересуюсь, кто это все собирает и сохраняет. Оказывается, исполнительный директор Екатерина Власова. Знакомимся, говорим о кафе, но я перевожу беседу на памятники Тюмени. Ей нравится уголок города в начале улиц Республики и Ленина, там музей, стела погибшим воинам, вечный огонь, памятник «Прощание» рядом с ТГУ. О Кузнецкове молчит. Уточняю: «А памятник разведчику?». «Да, прекрасный памятник, но он почти спрятан от людей, стоит в скверике, а люди идут мимо. Подходят те, кто знает. Мне этот памятник особенно дорог, потому что моя мама – дальняя родственница тети Шуры. Это наш семейный памятник».

Прошу рассказать подробнее. «Тетя Шура – это Александра Тихоновна Старовойтова, жена скульптора Алексея Клюкина.

Ей 91 год, живет с сыном на улице Мельзаводской. Сын – тоже Алексей Клюкин, окончил в Тюмени школу с золотой медалью. Потом в 1980 – строительный институт. Далее – аспирантура в Ленинграде, откуда вернулся с дипломом кандидата технических наук и женой. Оба сейчас работают в Тюменском архитектурно-строительном университете. Прекрасная семья. Их сын, тоже Алексей, окончил Тюменский нефтегазовый, сейчас в магистратуре. Дочь Анна учится в Тюменской православной гимназии, немного рисует. В семье все крещеные, в воскресные дни по пути в Знаменский собор заходят в сквер сельхозакадемии поклониться Николаю Ивановичу».

Без промедления звоню Алексею Алексеевичу старшему. Две встречи: первая – ознакомительная, на вторую из обширного архива отца он принес автобиографию, трудовую и красноармейскую книжки, различные удостоверения, рекомендации, письма и много фотографий. Алексей Алексеевич скромен, сдержан, весьма эрудирован, с хорошим чувством юмора. Об отце рассказывает с большим уважением.

Итак, родился скульптор Алексей Иванович Клюкин 27 мая 1923 года в Тюмени в семье рабочего. В 1932 году семья переехала в Киров, затем в город Горький, где Алексей окончил восемь классов общеобразовательной школы и одновременно курсы в скульптурной мастерской «Художник». После курсов работал в художественной мастерской ИЗО. По возвращении семьи в Тюмень в 1941 году устроился в мастерскую в качестве художника-скульптора. Второго января 1942 года был призван в армию и зачислен в Тюменское военно-пехотное училище, где вступил в ряды ВЛКСМ. 5 мая по окончанию училища ушел на фронт. В боях под Ржевом получил ранение и контузию. Затем медсанбат, курсы усовершенствования офицерского состава ВДВ. Воевал в 38 гвардейском воздушно-десантном корпусе третьего Украинского фронта, прошел Венгрию, Австрию и Чехословакию. Награжден орденом Красной Звезды, медалью за взятие Вены, медалями за Победу над Германией и за участие в Великой Отечественной войне, имеет 4 благодарности Верховного Главнокомандующего.

5 июня 1945 года в чешском лесу в вооруженной стычке убил трех фашистов и спас жизнь чеху Владимиру Крухно, который подарил Клюкину личный браунинг «Славия» № 72007 с официальным дарственным письмом на чешском и русском языках, с гербовой печатью. Я их видел.

После демобилизации и возвращения домой он работал в должности скульптора вначале в Тюменском товариществе «Художник», потом с 1950 года на московской художественной фабрике № 2 Художественного фонда СССР.

8 июня 1950 года действительный член академии художеств СССР профессор Я. Николадзе дал рекомендацию Алексею Клюкину: «В доме творчества Художественного фонда СССР я ознакомился с работами молодого скульптора Клюкина Алексея Ивановича, который, ни имея системной подготовки, вполне удачно справляется со своей задачей, руководствуясь исключительно своими способностями к изоискусству. Считаю его весьма талантливым и достойным внимания для получения высшего художественного образования». Однако по семейным обстоятельствам Клюкин уехал в Тюмень, где продолжил работу по специальности. Он создал около 30 работ. Это памятник Ермаку, скульптура «Ханты за чтением», многочисленные бюсты Ленину в Ханты-Мансийске, многих райцентрах Тюменской области и в городе Пятигорске. Особое место занимают памятники Герою Советского Союза разведчику Николаю Кузнецovу в Тюмени и Талице, бюст Герою около школы № 37 и бюст академику Павлову И. П. на территории облбольницы. После этого последовала серия портретов тюменцев – лауреатов Ленинской премии: Эрвье, Нестерова, Цыбулина и Белкиной. Далее бюст поэту Ювану Шесталову и памятник героям гражданской войны в Тобольске.

Есть в архиве удостоверение № 24 от 17.03.61 года о том, что Клюкин Алексей Иванович действительно является кандидатом в члены Тюменского отделения Союза художников СССР. Документ о присвоении ему звания члена Союза не сохранился, но в семье все уверены, что в Союз он был принят.

Жена Клюкина Старовойтова Александра в 1941 году была направлена из мединститута во фронтовой медсанбат. Прошла всю войну. Институт окончила в 1948 году в Смоленске и по распределению приехала в Тюменскую область. В Тюмени работала в облбольнице, познакомилась с Алексеем Клюкиным и вышла за него замуж.

Алексей Алексеевич с теплотой отзыается об отце и его творчестве. Интерес к рисованию у него был с детских лет, потом увлекся скульптурой, отдавая этому занятию все время, все

силы и душу. Пиком творчества стал бюст Николаю Кузнецову. Прочитав роман «Сильные духом», он как фронтовик был поражен и восхищен подвигами разведчика. Начал собирать о нем другие материалы, разыскал брата Николая Кузнецова Виктора и дважды встречался с ним. Работал увлеченно. Сделал множество эскизов и вариантов бюста, показал все это Виктору. На одном из них тот написал: «Это самый похожий из всех, что я видел».

Изготовленный бюст Николая Ивановича Клюкин принес в Тюменский горком ВЛКСМ и подарил секретарю горкома Великопольскому Сергею. А 19 декабря 1967 года накануне 50-летнего юбилея органов ВЧК-КГБ памятник был открыт в сквере сельхозинstitута, где когда-то учился Кузнецов. Разведчик на памятнике – мужественный, решительный, волевой.

Клюкин планировал изготовить бюст Кузнецова для Кудымкара, дважды ездил туда и договорился об установке памятника с руководством города. Но во время третьей поездки с ним случился сердечный приступ. Похоронили Алексея Ивановича в Тюмени на Червишевском кладбище. Проводить известного скульптора в последний путь пришло много народа, в их числе товарищи по работе, актер драмтеатра Дьяконов-Дьяченко с коллегами, представители власти.

Изучая материалы, я нашел много интересных совпадений из жизни наших двух замечательных Земляков – Героя Кузнецова и скульптора Клюкина. Оба – Ивановичи, оба из народа, один из семьи крестьян, второй – из рабочих. Выросли в многодетных семьях, оба имели братьев и сестер. В детстве и в школе имели двойные имена: Кузнецов был Никанором – Никой, потом стал Николаем; Клюкин в свидетельстве о рождении был записан Алексеем, но мама и друзья звали его Леней – Леонидом. Оба – одержимые со школьной скамьи: один – немецким языком, второй – рисованием, что, в конечном счете, позволило стать Николаю Кузнецову легендарным разведчиком, а Клюкину Алексею – хорошим скульптором. Но главное – они оба фронтовики, прошли трудными дорогами войны и не по книжкам знали цену Победы. Оба рано ушли из жизни. Давайте 27 июля в день рождения Николая Ивановича Кузнецова вспомним их вместе и воздадим должное каждому.

Полковник Медведев и отряд «Победители»

Было бы несправедливо, рассказав о Николае Кузнецове, промолчать о его старшем боевом товарище – командире отряда Дмитрии Медведеве.

Герой Советского Союза, полковник госбезопасности Дмитрий Медведев родился в 1899 году в поселке Бежица, предместьи Брянска, в многодетной семье мастера сталелитейного цеха Брянского рельсопрокатного завода. Отец сумел дать ему гимназическое образование. Сын мечтал поступить в Петроградский лесной институт. Но 1917 год резко изменил его планы. Дмитрий Николаевич активно участвует в Октябрьской революции, добровольно вступает в Красную Армию, воюет под Петроградом и на Восточном фронте. В 1920 году он возвращается в Брянск и становится сотрудником ВЧК.

В 1921 году молодой чекист Медведев был направлен в Донбасс на борьбу с местными вооруженными бандами. Он не выбирал себе место службы и работал там, где было труднее всего. Преданность избранной нелегкой, но почетной профессии, храбрость, мужество и самоотверженность отличали талантливого сотрудника госбезопасности.

И награды сами пришли к герою. 17 декабря 1921 года он получает именные золотые часы, затем дважды награждается именным боевым оружием, а в 1932 году удостаивается самого престижного звания – Почетный Сотрудник ВЧК.

В 1934-39 годах для органов госбезопасности СССР наступила трудная, трагическая полоса. Руководство страны, возглавляемое Иосифом Сталиным, превратило НКВД в машину массовых репрессий. Первыми жертвами стали чекисты, прошедшие школу революции и гражданской войны, выполнявшие сложные задания за рубежом.

Без объяснений причин был уволен и Почетный Сотрудник Дмитрий Медведев. Это был первый тяжелый удар в сердце преданного стране чекиста. Но он не сломил мужественного бойца, и Медведев решает бороться до конца. С трудом, но ему удается восстановиться на работе в НКВД.

Дмитрий Николаевич пытается оставаться на своих позициях. Но запущенный сверху маховик репрессий набирает обороты. Один за другим исчезают честные и опытные сослуживцы, самого Медведева пытаются исключить из партии и понизить в

должности. Такое обычно предшествовало аресту.

И Дмитрий Николаевич решает предпринять дерзкие по тем временам, отчаянные по смелости шаги на опережение. 14 марта 1938 года Наркому Внутренних Дел Николаю Ежову была доставлена копия письма Медведева, отправленного автором секретарю ЦК ВКП(б) Сталину. Медведев уведомлял, что его неоднократные обращения к Ежову остались без ответа, поэтому он объявляет голодовку и будет проводить ее в зале Курского вокзала около бюста товарищу Сталину. Подпись: капитан госбезопасности, Почетный Чекист Медведев.

На следующий день Дмитрия Николаевича с вокзала доставили в наркомат, увольнять не стали, но перевели из Главного Управления сначала в Медвежьегорск, а потом в Норильск. Но вскоре Медведев отличился и здесь. Его возмутило, что лагерное начальство по надуманным причинам вновь арестовывало отбывших свой срок заключенных. Капитан Медведев, ссылаясь на нарушения норм социалистической законности, своей властью освободил из-под стражи большую группу повторно арестованных. Руководство возмутилось. Очередное разбирательство закончилось тем, что в ноябре 1939 года Берия подписал приказ об увольнении Медведева «за допущение массового необоснованного прекращения следственных дел». Так, Дмитрий Николаевич в возрасте 41 года вновь оказался вне службы, без работы. И это был второй удар по сердцу чекиста.

Наступил 1941 год – Великая Отечественная. Тут уж не до обид и личных амбиций. Дмитрий Медведев оперативно подготовил докладную записку, в которой обосновал идею и принципы развертывания в тылу врага партизанских отрядов с участием профессиональных чекистов для активной разведывательной работы. Докладную в Москву отвез сам и передал лично сослуживцу Петру Тимофееву. Последний доложил ее Павлу Судоплатову, возглавлявшему Особую группу по зафронтовой разведке. Тот мгновенно оценил предложения Медведева, совпадавшие с его собственными. Дмитрий Николаевич был восстановлен в кадрах Наркомата, вернулся в строй и приступил к работе.

Уже 7 сентября 1941 года первый разведывательно-диверсионный отряд «Митя» – 33 бойца под руководством Медведева – ушел за линию фронта. Отряд действовал на стратегически важном брянском направлении. Активной

разведывательной и боевой работой отряд внес существенный вклад в дело срыва наступления немцев на Москву и последующего их разгрома. 12 января 1942 года по приказу Центра спецотряд вернулся в Москву. 17 февраля Дмитрий Николаевич был награжден орденом Ленина.

Но отдыха не получилось. Готовились и отправлялись в тылы немецких войск новые группы и отряды. Медведев лично участвует в их подготовке и одновременно обращается с рапортом к Наркому НКВД о создании своего отряда и работе в тылу врага. В апреле 1942 года он назначается командиром чекистского спецотряда «Победители». Отряду ставилась задача по организации разведработы в районе города Ровно, который фашисты сделали столицей оккупированной Украины. В отличие от Киева в Ровно НКВД практически не имел никаких оперативных позиций и Медведеву предстояло все начинать с чистого листа.

Ему разрешили отобрать в отряд самых подготовленных оперработников. Было подобранно около ста бойцов и командиров, все они приступили к усиленной подготовке. Но никто из них не знал, что в отряд уже зачислен разведчик-профессионал, который будет действовать в Ровно в форме и с документами немецкого офицера. Район дислокации отряда выбрали примерно в трехстах километрах от Ровно. В июне 1942 началось десантирование первых групп. 25 августа Медведев принял последнюю группу, в которой и был Николай Кузнецов. В отряде он значился как Николай Грачев, а для работы в городе Ровно в его рюкзаке бережно хранился мундир оберлейтенанта немецких войск и документы на имя Пауля Зиберта.

«Разведка и еще раз разведка», – говорил Медведев своим товарищам и добивался, чтобы они поняли огромное значение разведработы для Верховного командования. И это удалось. Центр скоро начал получать полные данные о всех воинских и оккупационных организациях фашистов в Ровно и области. В период Сталинградской битвы отряд ежедневно передавал в Москву данные о передислокации немецких дивизий, спешивших на помощь Паульсу. Разведчики сумели вычислить и документально подтвердить расположение ставки Гитлера под Винницей. Центр своевременно получил упреждающую информацию о подготовке наступления немцев под Курском, о заговоре против глав государств СССР, США и Великобритании в Тегеране.

После победы под Курском к осени 1943 года началось массовое наступление Советской Армии на всех фронтах. Разведчики выявили признаки подготовки эвакуации немцев из Ровно. И Центр предлагает отряду осуществить акции возмездия против руководителей нацистов, на руках которых была кровь тысяч безвинных людей. Дмитрий Медведев со штабом разрабатывает операции по ликвидации этих фашистов, а Николай Кузнецов со своими боевыми помощниками становится основным исполнителем актов возмездия.

С наступлением нового 1944 года фронт приблизился к Ровно, и Медведев с отрядом по приказу Центра начинает перемещение в сторону Львова. Однако продвижение проходило медленно, с боями. Красная Армия наступала быстрее, и уже 5 февраля отряд оказался на освобожденной территории.

Подводя итоги, отметим, что «Победители» провели в тылу врага 20 месяцев. Было уничтожено несколько тысяч немецких солдат и офицеров, 9 генералов. Москва регулярно получала ценные разведывательные сведения военно-стратегического и политического характера. 5 ноября 1944 года за умелое управление отрядом, личное мужество и героизм полковнику Медведеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он продолжил работу в органах госбезопасности. Но главному руководителю НКВД Лаврентию Берии не нужны были чекисты-фронтовики, умевшие постоять за правду. И в конце 1946 года Героя, Почетного Чекиста Медведева в третий раз увольняют из органов.

Дмитрий Николаевич тяжело переживал незаслуженное наказание. Но руки не опустил. Он начал писать о войне, о разведке в тылу врага, чтобы передать молодежи свой бесценный фронтовой опыт, опыт своих боевых друзей. В 1948 году выходит в свет его документальная повесть «Это было под Ровно», а в 1952 году – главная книга Дмитрия Медведева «Сильные духом». Книги моментально разошлись по стране, ими зачитывались. Автора приглашали на встречи студенты, рабочие, школьники. В 1953 году Свердловский драмтеатр поставил пьесу «Сильные духом», которая имела огромный успех у зрителей. Последней публикацией Дмитрия Медведева стала повесть «На берегах Южного Буга», в ответ на которую «Винницкой правде» появляется националистическая статья «О фальшивой повести Д. Медведева». Бериеевцы еще

работали, по непонятным причинам этот пасквиль подхватила «Литературная газета», обвинившая автора в недооценке роли партии в партизанском движении. Издатели книги тут же расторгли с ним договор.

В эти трудные минуты Валентина Довгер приехала в Москву и пыталась поддержать своего командира. 14 декабря 1954 года они позвонили в «Литературку», чтобы узнать, когда газета опубликует обещанное опровержение. Говорил Дмитрий Николаевич. Ответ был такой, что боевой офицер, не раз смотревший смерти в лицо, побледнел и выронил трубку. И это был последний удар в его сердце. Прибывшие врачи констатировали обширный инфаркт.

После смерти командира Валентина Константиновна Довгер продолжила его дело.

Николай Струтинский – друг и соратник разведчика Кузнецова

Николай Струтинский был одной из заметных фигур в партизанском отряде «Победители», он был верным другом и надежным соратником легендарного разведчика Николая Кузнецова. Почти во всех наиболее сложных и опасных боевых операциях Кузнецова принимал участие Николай Струтинский.

Родился Николай Владимирович 1 апреля 1920 года в полесском селе Тучин Ровенской области. Отец Владимир Степанович, поляк по национальности, работал каменщиком, а перед войной стал лесничим. С женой украинкой Марфой Ильиничной они вырастили девятерых детей.

В 1941 году в первые же дни оккупации Украины старший сын Николай и его брат Ростислав были арестованы немцами, но перед отправкой на работы в Германию сумели бежать из лагеря в лес. К ним присоединился третий брат Георгий. Раздобыв оружие, братья Струтинские начали партизанить. Вскоре к ним присоединился и отец, встав под команду старшего сына.

Партизанская группа Струтинских быстро пополнялась земляками и отступавшими бойцами Красной Армии. Партизаны разрушали линии телефонной связи фашистов, уничтожали немецких солдат и украинских полицаев. 17 сентября 1942 года отряд Николая Струтинского, насчитывающий полсотни бойцов,

встретился в лесах со спецотрядом «Победители». Партизаны Струтинского охотно присоединились к «Победителям» и стали сражаться под руководством командира отряда профессионального чекиста Дмитрия Медведева. Здесь Николай Струтинский и познакомился с разведчиком Николаем Кузнецовым.

Появление в спецотряде семьи Струтинских было большой находкой. Они хорошо знали свой край, имели во многих селах родственников и знакомых, а главное – им был отлично известен город Ровно – основная цель разведывательных устремлений отряда.

Николай Кузнецов, подбирая бойцов для разведгруппы, сразу обратил внимание на Николая Струтинского. Смелый, хладнокровный, уверенный в себе, физически хорошо подготовленный. Недаром он командовал своим партизанским отрядом. И хотя Кузнецов был на 9 лет старше Струтинского, довольно быстро они подружились. Понятно, что при выездах на автомашине в Ровно оберлейтенант Пауль Зиберт руководил своим водителем Струтинским в форме немецкого солдата. Но задания Центра и командира отряда они до мелочей продумывали и отрабатывали вместе. И это были два разведчика, дополнявшие друг друга. А общая ответственность за выполнение каждого задания, смертельная опасность, которой они подвергались каждый раз, еще больше сближала их.

Позднее Струтинский напишет: «Я помню, что Николай Иванович лично мне говорил о поставленной перед ним задаче – вести глубокую разведку среди гитлеровских оккупантов, ни в коем случае не ввязываться ни в какие разборки с ОУН и УПА, если не будет прямой угрозы для выполнения разведывательных мероприятий».

И разведывательная информация постоянно уходила в Москву: это дислокация оккупационных формирований и немецких воинских частей в Ровно и области, передвижение частей противника в сторону фронта, подготовка наступления под Курском, данные о местоположении сверхсекретной ставки Гитлера под Винницей и многое другое. Часто было трудно разделить, где и чьих заслуг больше, русского Николая Кузнецова или украинца Николая Струтинского. Да в этом и не было никакой необходимости. Они хорошо понимали, что делают одно большое дело, сражаются против общего врага, за одну Победу.

Так было и при выполнении ими актов возмездия против высокопоставленных фашистских чиновников: имперского советника финансов генерала Геля, агента гестапо майора Геттеля, командующего восточными войсками генерала фон Ильгена, главного судьи Украины Функа и других.

В октябре 1944 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых и разведывательных заданий, Николай Струтинский был награжден орденом Ленина.

После войны Николай Струтинский служил в органах госбезопасности Львовской области, прошел путь от сержанта до полковника. Много сил и времени Струтинский посвятил установлению обстоятельств гибели своего друга Кузнецова и места его захоронения. Им была создана оперативная группа, которую он сам и возглавил. Оперативники по крупицам собирали материалы, способные пролить свет на последние дни Николая Кузнецова. Допрашивали бывших членов УПА, местных жителей, пленных немецких офицеров, исследовали сотни архивных материалов. Шаг за шагом они продвигались вперед и добились поставленной цели, несмотря на прямое или косвенное противодействие бандеровцев, партийных чиновников, а иногда и работников спецслужб. Дело дошло даже до того, что недруги Струтинского изготовили и послали на довоенный адрес Валентины Довгер письмо якобы от Николая Ивановича, в котором он сообщал, что находится в лагерях за границей, но не теряет надежды освободиться и рассчитывает на встречу с ней. Цель была очевидна – опорочить имя Героя, заставить группу Струтинского прекратить поиски.

Только благодаря титаническим усилиям Николая Струтинского удалось завершить многолетнюю сложную операцию и 27 июля 1960 года перезахоронить останки Кузнецова на воинском кладбище «Холм Славы» в городе Львове. Простые люди торжествовали и благодарили Струтинского за этот, фактически, гражданский подвиг.

Струтинского Н. беспокоила, как он говорил, «тотальная фальсификация исторических событий на Украине», попытки очернить светлое имя его друга и соратника Николая Кузнецова. Струтинский писал: «Некоторые называют Кузнецова террористом. Но ее Величество История чтит точность. А еще справедливость. Я ходил с Кузнецовым в разведку каждый раз на верную гибель. И пока дышу, буду до конца оставаться живым

свидетелем доброго имени нашего разведчика – сына народа российского, сына народа Украины».

Всю послевоенную жизнь Николай Струтинский был верен памяти павших боевых товарищей. Он написал ряд документальных повестей о событиях Великой Отечественной войны, в которых яркими героическими фактами противостоял тем, кто хотел переписать историю на свой лад. Он часто встречался со школьниками и студентами, рассказывая им о значении победы советского народа над фашизмом.

Николай Владимирович много раз бывал на Урале. В 1990-х годах жил около трех лет на родине боевого товарища и легендарного разведчика Николая Кузнецова в Талице.

Последние годы жизни Николай Струтинский провел в Черкассах, где и скончался в 2003 году. Книги героя-партизана живут и сегодня. К 100-летию Николая Кузнецова издательством Уральского университета в Екатеринбурге выпущен тысячным тиражом на пятистах страницах сборник повестей «Во имя Родины». Автор Николай Струтинский, член Национального Союза журналистов Украины и Союза журналистов России, лауреат литературной премии имени Н. И. Кузнецова.

Связной Николай Приходько

В 2012 году работа по проекту «Герой. Разведчик. Легенда» была продолжена. Изучение и анализ найденных материалов, в том числе полученных от журналиста из Мурманска Сергея Шибанова, позволили рассказать об еще одном соратнике разведчика Николая Кузнецова – Герое Советского Союза Николае Приходько, прожившем короткую, но яркую жизнь.

Родился Николай Приходько 22 мая 1920 года в семье железнодорожника на станции Здолбунов в Западной Украине. По окончании начальной школы работал батраком у местного полицая. А когда в 1939 году Западная Украина была присоединена к СССР, он устроился контролером в клубе, а затем начальником отдела снабжения транспортной организации.

Меньше двух лет просуществовала новая советская власть на Украине до прихода фашистских оккупантов, но Николай Приходько и его сверстники успели ощутить разницу между этой властью и прежним владычеством польских панов. Они получили счастливую возможность учиться и работать по своему

желанию, считали Советский Союз сильной и справедливой страной и готовы были сражаться за нее.

В июне 1941 года, когда германские войска уже входили в Ровно и Здолбунов, Приходько с документами и ценностями своего предприятия эшелоном отправился по назначению в Пензу. Здесь он сразу же обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Физически крепкий, весьма внушительного вида энергичный молодой человек привлек внимание не только работников военкомата. Настойчивость и целеустремленность привели его в Москву, где он прошел специальную подготовку в школе разведчиков НКВД.

В августе 1942 года Николай Приходько в составе одной из групп спецотряда «Победители», который возглавил опытный чекист Дмитрий Медведев, был заброшен на оккупированную территорию Ровенской области. Оперативники учитывали, что хорошее знание местности, наличие родственных и других связей в городе Ровно и области помогут Приходько успешно решать сложные задачи в тылу врага.

Судьба распорядилась таким образом, что Грачев Николай, так значился в списке отряда разведчик Николай Кузнецов, и Николай Приходько вылетали в тыл противника на одном самолете. Уже на аэродроме Кузнецов обратил внимание на высокого добродушного богатыря со спокойными манерами.

Но определения «добродушный» и «спокойный» во вражеском тылу не имели большого значения. Здесь на первое место выдвигались выдержка, мужество, надежность, способность мгновенно ориентироваться в любой обстановке, умение переносить трудности и лишения. Уже в первых боевых операциях Кузнецов нашел все эти качества у Николая Приходько, и тот стал основным связным разведгруппы Грачева.

Оперативная обстановка к моменту развертывания отряда «Победители» выглядела следующим образом. В областной столице Ровно дислоцировались штабы немецких военных формирований, различных оккупационных организаций и учреждений, службы полиции и безопасности. Через железнодорожный узел Здолбунов, недалеко от Ровно, проходила основная часть поездов и воинских эшелонов из Германии, Чехословакии и Польши на Восточный фронт и обратно.

Центр главной задачей отряда определил сбор разведывательной информации о противнике – от дислокации и перемещения

войск до работы спецслужб. Основные разведгруппы работали на станции Здолбунов и в Ровно, а радиостанция для передачи всего собранного в Москву была только в отряде в лесу. Разведчики и связники, курсировавшие между отрядом и городом, должны были обладать как профессиональными навыками, так и хорошей физической подготовкой. Ведь дорога в оба конца составляла 240 километров, и большую ее часть приходилось преодолевать пешком и не по асфальту.

Николай Приходько лучше других подошел для этой работы. В городе он имел много друзей, там проживал его брат Иван, которого тоже привлекли к работе на разведку. В его квартире не раз бывал Николай Кузнецов. Приходько обладал большой силой и выносливостью, был смел и решителен, на марше мог проходить больше любого другого разведчика. Он всегда своевременно доставлял информацию из города в отряд и указания Центра и руководства отряда в разведгруппы.

19 ноября 1942 года началось наступление советских войск под Сталинградом. В междуречье Волги и Дона была окружена огромная группировка немцев численностью 330 тысяч человек под командованием Паулюса. Фашистское руководство предпринимало отчаянные попытки вырвать армию Паулюса из окружения ударами извне и со всех концов доставляло в этот район железнодорожные эшелоны с живой силой, вооружением и боеприпасами. Штаб и разведчики отряда работали в эти дни с огромным напряжением. Информации от Николая Кузнецова и здолбуновской группы поступало очень много, но из-за пешей доставки в отряд она не всегда вовремя доходила до Москвы. И командир отряда Дмитрий Медведев идет на рискованный шаг, он направляет в Ровно опытную радиостанцию с рацией, хотя и понимает, что в городе немцы передатчик обнаружат быстрее. Ввиду срочности и важности операции доставку поручают Николаю Кузнецову и Николаю Приходько.

Кузнецов в форме оберлейтенанта, Приходько в форме немецкого солдата и радиостанция Валя Довгер сели в конную повозку и направились в город. Перед въездом в Ровно на небольшом деревянном мосту повозка опрокинулась, все пассажиры упали на настил, а спрятанные под сеном рация, батареи питания и оружие вывалились прямо к ногам охранявших мост немецких солдат. Провал, казалось, был неизбежен. Но Кузнецов в этой драматической ситуации проявил исключительное

самообладание и находчивость. Он точно сработал на психологию исполнительного немецкого солдата. Выхватив из кобуры пистолет, оберлейтенант направил его на остоянцевшую Валю и, крепко выругавшись по-немецки, накинулся на оторопевших солдат: «А вы что глазеете? Это арестованная русская партизанка. Ну, пошевеливайтесь, да поживее!» Солдаты, конечно же, не могли ослушаться разгневанного офицера и молча стали собирать разбросанное имущество. Приходько старательно помогал им.

В городе разместились у брата Николая Ивана Приходько. Николай через печную трубу умело вывел антенну наружу, и работа передатчика началась. Однако продолжалась она недолго. После завершения разгрома немцев под Сталинградом в связи с начавшимися облавами и проверками и угрозой разоблачения радиопередатчик из города вернули в отряд. Но главная для разведчиков задача была успешно выполнена. А Николай Кузнецов стал еще чаще привлекать Николая Приходько вместе с другими лучшими бойцами отряда для участия в сложных боевых и разведывательных операциях. И почти всегда они заканчивались для партизан без особых потерь.

На всем долгом пути между отрядом и городом каждый связник рисковал постоянно. А задача была одна – вовремя, в целости и сохранности доставить секретный пакет адресату, при любой угрозе принять все меры, чтобы документы не попали в руки врага. А немцы, между тем, постоянно контролировали возможные пути перемещения партизан.

22 февраля 1943 года Николай Приходько доставил в отряд очередное донесение Николая Кузнецова, получил для него новое задание штаба и поспешил обратно в Ровно. Ехал он на конной подводе, а под сеном спрятал автомат и несколько гранат. Однако до города в положенный срок не добрался. Вскоре от местных жителей и разведчиков из Ровно поступила информация о том, что у села Великий Житень какой-то человек вступил в неравный бой с немцами, сам погиб, но и уничтожил немало врагов. По описанию, месту и времени это мог быть только Приходько.

Опытный чекист Медведев обязан был исходить из худшего – пакет для Кузнецова мог попасть в руки немцев. Они могли опознать Николая Приходько, выйти на его брата Ивана в Ровно и дальше на Николая Кузнецова. Он приказал группе Кузнецова немедленно покинуть Ровно.

Немцы действительно поняли, что погибший – необычный партизан. Дороги в этом районе были перекрыты, начались проверки и обыски. Тело Приходько было выставлено для опознания, перед ним прогнали местных жителей. За опознание пообещали вознаграждение. Но установить его личность немцам не удалось. Кузнецовых, используя свои связи среди немецких офицеров, занялся выяснением обстоятельств гибели Приходько, пока не был отозван в отряд.

Общими усилиями было установлено, что Николай Приходько 22 февраля вечером в районе села Великий Житень был остановлен заставой из 12 немецких солдат и полицейских. При проверке документов возникла угроза обнаружения секретного пакета, и Николай первым открыл огонь. Он уничтожил 10 человек, но и сам был ранен в плечо. Прыгнув в повозку, он стегнул лошадей и погнал к лесу. Но через несколько сот метров встретил немецкий грузовик с солдатами, которые сходу открыли огонь. В завязавшемся неравном бою Приходько уложил еще несколько оккупантов и сам получил второе ранение. Когда силы стали покидать партизана, он привязал пакет к противотанковой гранате и метнул ее в скопление врагов. А потом – разрывной пулей себе в лицо. Он делал все это для того, чтобы ничто не могло вывести фашистов на оберлейтенанта Пауля Зиберта, замечательного уральского парня, идеально говорящего по-немецки.

В шифровке в Центр о результатах расследования командир отряда Дмитрий Медведев высоко оценил действия связника-разведчика: «Приходько Николай геройски выполнил задание. Он достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Прошу возбудить об этом ходатайство перед правительством».

После войны Иван Приходько долго вел поиски места захоронения брата. И только в 1964 году могилу удалось отыскать. Ныне двадцатидвухлетний Герой Советского Союза Николай Приходько поконится на Мемориале воинской славы в городе Ровно, городе, в котором он вместе с легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым приближал день Победы.

Валентина Довгер – разведчица и соратница Николая Кузнецова

Отгремели 27 июля 2011 года в сквере сельхозакадемии оружейные салюты легендарному разведчику Николаю Кузнецову. Курсанты, чеканя шаг, прошли около памятника, отдавая честь Герою Советского Союза. Жители Тюмени засыпали живыми цветами постамент в знак любви и уважения к Николаю Ивановичу. А волна читательского интереса к личности и подвигам нашего земляка не останавливается. Известная тюменская журналистка не из газеты «Тюменская область сегодня», просившая не называть своей фамилии, откровенно сказала мне: «Молодцы! Ваша газета единственная во всем Уральском Федеральном округе, да и в целом по России, сумела мощно и широко, со всеми авто- и велопробегами, конкурсами и соревнованиями показать столетний юбилей большого разведчика. Множество интересных откликов читателей хорошо дополнили общую картину. Удивительна читательская география: Тюмень и Тюменская область, Екатеринбург, Пермь, Ивано-Франковск, Мурманск! Еще раз молодцы!».

Ветеран-строитель из Тюмени Василий Петров, всю жизнь отдавший тюменскому северу, сказал, что он много читал об отряде «Победители», следил за нашими публикациями. Он преклоняется перед талантом и мужеством Николая Кузнецова, но хотел бы, чтобы написали и о его ближайших соратниках: Валентине Довгер и командире Дмитрии Медведеве.

В начале августа 2011 года в редакцию газеты «Тюменская область сегодня» обратился с письмом тюменец Александр Кашин с просьбой продолжить публикации и написать о роли Службы Внешней Разведки для страны, о подразделениях СМЕРШ и их вкладе в Победу.

Редакция дала согласие положительно ответить на все читательские вопросы и пожелания.

Хорошая штука – Интернет. В Тюмени, в газете «Тюменская область сегодня» мы публикуем интересные материалы о разведчике Николае Кузнецове, а более чем за 3500 километров от нас в Мурманске Сергей Шибанов на сайте газеты в тот же день читает эти статьи. Но он не просто читатель, а еще историк и переводчик. В своем письме в Тюмень он написал, что много лет интересуется деятельностью отряда «Победители», что Николай Кузнецов его любимый герой, и что он заканчивает книгу о Вале

Довгер. Просил выслать какие-либо ранее не опубликованные материалы. Вскоре из Тюмени в заполярный Мурманск ушли письмо и посылка с электронным вариантом всех материалов, собранных мною и газетой «Тюменская область сегодня» к столетию Николая Ивановича.

Сергей Шибанов ответил оперативно. В мой адрес поступила замечательная бандероль. В ней книга – «Довгер Валентина Константиновна», в которой опубликованы воспоминания людей, лично знавших Валю Довгер. А еще – много фотографий, в том числе и не публиковавшихся ранее. Сергей Александрович сообщил, что он заканчивает повесть о Валентине Довгер, в которой будут и материалы из ее личного дела № 64, хранящегося в архиве Воронежского Управления ФСБ.

Со всем этим богатством я заглянул в уже знакомое кафе к Екатерине Власовой, дальней родственнице жены скульптора Алексея Клюкина. Обедаем, рассказываю, показываю. Неожиданно она заявляет: «А Вы знаете, тетя Шура (жена Клюкина) в Талице встречалась с Валентиной Довгер». Как это было точно, она не знает.

За подробностями я обратился к сыну скульптора Алексею Клюкину. Он пояснил, что мама Александра Старовойтова болеет, ей уже 92, с корреспондентом встретиться не может. Но сыну рассказала, что в 1972 году накануне дня рождения Николая Кузнецова в Талице собирались его фронтовые друзья, куда был приглашен и автор скульптуры с женой Старовойтовой Александрой.

Среди многочисленных гостей в Талице были боевой помощник Дмитрия Медведева комиссар отряда Виктор Кочетков и отважная партизанка, соратница Николая Кузнецова Валентина Довгер. Скульптора Клюкина с супругой официально представили героям войны и, таким образом, первые и единственные тюменцы познакомились со знаменитыми разведчиками.

После торжественного открытия памятника мужчины отошли покурить, а Валя Довгер подошла к Александре Старовойтовой, и у них состоялась теплая, дружеская беседа. Если до этого момента Валентина Довгер была со всеми энергичной и общительной, то в разговоре со Старовойтовой она была мягкой, скромной и вежливой. Она подробно расспросила Александру Михайловну о том, как работалось ее мужу над скульптурой Николая Ивановича, как он контактировал с братом Героя Виктором.

Старовойтова рассказала, что Алексей Клюкин относился к этой работе предельно ответственно, боясь допустить даже мелкую оплошность, не раз советовался с Виктором, с которым они стали друзьями. Женщины друг другу явно понравились, последовали взаимные приглашения в гости, расстались они по-дружески.

Чтобы дополнить портрет Валентины Константиновны, вернемся к ее биографии. Родилась она 6 января 1924 года в селе Виры Ровенской области. Папа Константин Довгер, окончивший лесной институт, работал старшим лесничим Клесовского лесничества. Когда Украину оккупировали фашисты, отец сам нашел дорогу к партизанам и начал работать с разведчиком Виктором Кочетковым. А юная восемнадцатилетняя Валя стала помощницей отца, передавая в отряд собранные им сведения. Но нашелся предатель и оуновцы 3 марта 1943 года схватили Константина Довгера и после зверских пыток, не добившись ничего, живого засунули в прорубь реки. По совету Кочеткова семья Довгер уехала в другой район, а Валя настояла на том, чтобы ее приняли в отряд.

Более месяца отрядные чекисты Медведев, Лукин, Кочетков и Кузнецov обучали Валю секретам мастерства разведчицы. Было решено дать ей ответственную роль помощницы Николая Кузнецова. В апреле 1943 года на улицах Ровно появилась «фрейлейн» Довгер – «невеста» оберлейтенанта Пауля Зиберта. И здесь Валя в полной мере ощутила всю тяжесть и сложность работы разведчика. «Шлюха!», – это было самым мягким словом, брошенным ей в спину, когда она шла под руку с красивым, щеголеватым оберлейтенантом.

Валя была надежным и мужественным соратником Николая Ивановича. Они вместе обсуждали детали предстоящих операций, вместе собирали и передавали в Центр разведывательную информацию, осуществляли акты возмездия над главарями фашистов. И почти каждый раз эти операции были связаны со смертельным риском для самих разведчиков.

Особенно показательна в этом плане попытка покушения на ставленника Гитлера на Украине Эриха Коха. Николай Иванович с большим трудом через адъютанта рейхскомиссара добился личного приема у Коха вместе со своей «невестой» для получения разрешения «жениться» на девушке – фольксдойче – с последующим выездом в Германию. В приемной у него изъяли табельное оружие, но второй пистолет, спрятанный в рукаве

кителя, не обнаружили. Валя Довгер оставалась в приемной и, по ее словам, находилась на грани потери сознания в ожидании выстрела. Она хорошо понимала, что этот выстрел будет приговором и для Николая Кузнецова, и для нее. Но охрана Коха оказалась настолько сильной, что не дала никаких шансов разведчику. Телохранители стояли с обеих сторон и внимательно следили за каждым движением его рук. И когда Кузнецов вышел из кабинета Коха, Валентина Константиновна едва не упала в обморок. Николай Иванович вовремя подхватил ее, тут же успокоил, громко объявив, что брак с ней и совместный выезд в фатерлянд разрешили. А окружающим спокойно объяснил, что у нее от счастья закружилась голова.

Эта операция дала серьезные положительные результаты. Кох проговорился Кузнецovу, что Гитлер готовит очень крупную операцию против Советов под Курском, а Валя получила разрешение работать в рейхсканцелярии Коха. Это позволило в дальнейшем получать через Валю разведывательную информацию и практически любые бланки документов, так необходимые партизанам.

Нет нужды перечислять все боевые операции, в которых участвовала Валентина Константиновна. Она ни разу не подвела своего непосредственного командира и соратника.

После гибели Николая Кузнецова 9 марта 1944 года от рук украинских националистов Валя была арестована гестаповцами, выдержала все пытки, но не выдала ни одного партизана. Отступающие фашисты вывезли ее в один из концлагерей Германии, где она и встретила свое освобождение.

В советской зоне в городе Веймар Валя, владевшая немецким языком, устроилась на работу переводчиком в нашу прокуратуру. Там она познакомилась с военным следователем Саввой Рыбаком и вышла за него замуж. В 1948 году у них родился сын Константин, а в 1950 они переехали в Воронеж к новому месту службы мужа.

Валентина Константиновна – оптимист по характеру – полностью включилась в работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ее приглашали на встречи студенты, рабочие, учащиеся, и не было случая, чтобы она кому-то отказалась. Долгое время она была Почетным председателем военно-патриотического клуба Воронежского пединститута «Красная Гвоздика». Яркое и ценное призвание – быть патриоткой, она пронесла через всю свою жизнь.

Правительство высоко оценило заслуги Валентины Довгер перед страной, она была награждена орденом Ленина, орденом Отечественной войны 1 степени, многочисленными медалями.

Тяготы партизанской борьбы и испытания в фашистских застенках подорвали ее здоровье. 28 мая 1990 года Валентина Константиновна скончалась. В прощальном слове полковник ФСБ в отставке Никифоров А. К. сказал: «Пройдут годы. Многое сотрется из памяти и забудется, но подвиги тех, кто ради свободы и независимости Родины рисковал своей жизнью, навсегда останутся в памяти благодарных людей».

К сожалению, сегодня кое-что из прошлого нашей разведки и нашей истории искажается, а многое просто забывается. Идет война за память, и мы должны ее выиграть. Это наш долг перед детьми и внуками!

Любимая радиостка разведчика Кузнецова

В партизанском отряде Дмитрия Медведева «Победители» сражались 18 человек из республиканской Испании. Особой смелостью, безупречным владением шифровальным и радиоделом, готовностью в любое время дня и ночи выполнить боевое задание отличалась красивая, умная, уверенная в себе испанка, которую в отряде звали Мария.

Ее отец Зоило де Лас Эрос, опальный офицер, противник существовавшего в Испании режима, был отправлен с женой в ссылку в Испанское Марокко. Именно там 26 апреля 1909 года появилась на свет девочка, которой отец дал экзотическое имя Африка в честь приютившего их семью континента.

Африка получила среднее образование и после ранней смерти отца в 1926 году ушла в самостоятельную жизнь. Наверное, с генами родителей она унаследовала стремление к революционным переменам. В 1932 году переезжает в Испанию и вступает в коммунистическую партию. Через 2 года принимает участие в подготовке восстания горняков и сражается на баррикадах восставшей провинции Астурия. После поражения шахтеров попадает в тюрьму, а потом ей приходится перейти на нелегальное положение. В 1936 году с началом гражданской войны в Испании Африка уходит на фронт и выступает на стороне республиканцев против диктатуры Франко.

Известно, что в рядах республиканцев воевали патриоты-

добровольцы из других стран, в том числе из Советского Союза. В 1937 году Африка после знакомства с резидентом НКВД в Испании Орловым начинает сотрудничать с советской разведкой. Ее привлекло то, что они вместе делали одно большое общее дело. Свои отчеты в Центр она подписывает псевдонимом «Патрия», что в переводе с испанского означает Родина. Это имя осталось с ней на всю жизнь, а настоящее имя Африка де Лас Эрос знали лишь единицы.

В 1939 году «Патрия» была нелегально вывезена в Советский Союз. Все прошлые связи не только с коллегами по работе, но и со старшей сестрой и другими родственниками, пришлось оборвать. Для них она исчезла навсегда. Таковы суровые правила разведки, и она их приняла.

В СССР «Патрия» получила советское гражданство. Ей нравилось жить и работать в нашей стране. Рядом были честные, приветливые, отзывчивые люди. Еще в Испании она восхищалась мужеством и отвагой советских добровольцев, беззаветно сражавшихся, а иногда и погибавших за ее любимую Родину. Она отчетливо понимала, что только эта большая и сильная страна способна противостоять уже наползвшему на всю Европу фашизму.

В начале Великой Отечественной войны «Патрию» зачисляют на военную службу в органы госбезопасности и направляют на курсы специальной подготовки радиостор. Помимо радиодела пришлось много заниматься стрельбой, прыжками с парашютом, совершать с полной выкладкой марш-броски. Весной 1942 года курсы спецподготовки были закончены.

Неудержимая «Патрия» рвалась на фронт, но ее взяли не сразу. Тот человек, который увидел маленькую красивую испанку, категорично заявил, что такую хрупкую женщину нельзя направлять в бригаду особого назначения, да еще в лес в партизанский отряд Медведева. Но «Патрия» дошла до самого высокого руководства и добилась своего. 16 июня 1942 года в составе группы она спустилась на парашюте в тыл врага в Западной Украине в районе дислокации отряда «Победители».

Первая зима была трудной, жили в землянках, питались, как получится. Было и холодно, и голодно. Но теплолюбивая испанка стойко переносила все тяготы. За короткое время она стала лучшей радиисткой отряда.

Схема радиосеансов с Москвой была такова. Три группы,

в каждой из которых была радиостка с тяжелой радиостанцией и один-два бойца с автоматами и гранатами для охраны, одновременно уходили лесами с базы отряда в разные стороны на 15-20 километров. В назначенный час они одновременно начинали радиопередачи. Две радиостки выдавали в эфир информационный мусор для отвлечения немецких радиопеленгаторов, а Мария быстро передавала в Центр нужную информацию. Места каждый раз менялись. Схема громоздкая и трудная, но по-другому было нельзя, немцы могли запеленговать место расположения базы отряда и тогда жди беды.

Практически все донесения разведчика Николая Кузнецова в Москву передавала «Патрия». Николай Иванович высоко ценил ее и относился к ней с повышенным вниманием и уважением. Однажды он увидел у костра маленькую дрожащую Марию, которая пыталась над огнем согреть окоченевшие руки. Он мгновенно снял свой шерстяной свитер и отдал его Маше. А она, с головы до пят укутавшись в большой свитер, согревалась кузнецковским теплом. Потом Николай Иванович принес Марии и ее двум подругам-радисткам теплые полушибки, где и как он их раздобыл, никто не знает. Мария вспоминала, что она чувствовала себя настоящей королевой, когда однажды Кузнецов подарил ей черную с цветами цыганскую кашемировую шаль. В ней «Патрия» согревалась долгими вечерами в землянке, а иногда и танцевала, когда в отряде случались небольшие праздники.

Командир отряда Дмитрий Медведев уделял особое внимание группе радисток, от четкой и слаженной работы которых зависела своевременная и регулярная связь с Москвой. За хорошую работу и образцовое состояние радиотехники он назначил Марию помощником командира взвода, где она показала себя умным и требовательным начальником и неплохим организатором. Не раз ей приходилось бывать и в боевых операциях отряда.

За отличное выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении Африка была награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны».

И еще один важный момент. Командир «Победителей» Медведев уже в 1950-х годах, незадолго до смерти, зная, что «Патрия» находится где-то очень далеко от Родины, попросил жену передать ей свою книгу «Это было под Ровно» с надписью

«Любимой радиостке командира». И только через 15 лет книга была вручена в Москве Африке де Лас Эрос.

В 1944 году после освобождения Западной Украины от фашистов и расформирования отряда «Победители» «Патрию» отзвали в Москву. Кроме родного испанского языка она в совершенстве владела французским и русским языками, имела боевой опыт зафронтовой работы. Именно поэтому ей предложили перейти на работу в Управление внешней разведки. Это особый вид разведки, когда ты живешь в чужой стране под другим именем и по фиктивным документам. Ты остаешься один на один со всеми проблемами и рядом нет командира, с которым можно посоветоваться. Она это знала, но дала свое твердое согласие. Ведь «Патрия» в переводе с испанского – Родина, а она хотела работать в разведке и служить своей новой Родине. Но для этого нужны были специальная подготовка, приобретение особых навыков для организации и ведения разведки в нелегальных условиях. И снова дни и ночи – напряженный труд и упорная учеба. Война, закончившаяся вчера, для «Патрии» получила новое продолжение. Только теперь предстояло бороться не в тылу врага, а на его территории, в постоянном соприкосновении с ним и с ежедневным риском быть разоблаченным.

По новой легенде в начале 1946 года «Патрия» через Берлин перебралась в Париж, где ей нужно было надежно обосноваться, завершить детали своей подготовки и определить пути проникновения в страну будущего постоянного пребывания. «Патрия», находясь рядом с родной Испанией, приступила к работе. По ночам она передавала в Центр собранную информацию, иногда слушала радио. Комитет «Красного креста» вел передачи по розыску родственников, потерявших друг друга в войну. Неожиданно среди множества фамилий прозвучало имя ее сестры Виртудес, которая искала Африку и была совсем рядом. Ей было мучительно больно, но Африка промолчала. Она не могла ответить, не могла подвести тех, кто доверил ей дело государственной важности.

Впереди ее ждала Латинская Америка. Там было немало вопросов, которые представляли для нас повышенный интерес, требовали внимания, объяснений и наблюдения. Кроме того, нужен был постоянный радиоканал с этим отдаленным уголком земного шара. Работы у «Патрии» оказалось много и порой трудно было понять, как она успевала. Надо было добывать и

передавать в Центр информацию, выезжать в соседние страны, руководить людьми, работавшими на нас. Вопросы возникали неожиданно и, как правило, непростые.

В 1949 году она по указанию Москвы идет на восстановление связи с бывшим нашим агентом «Хосе», совладельцем крупного военного предприятия. Как он это воспримет, никто не знал. Явившись в роскошный кабинет «Хосе», она передает ему письмо от старого друга «Бруно». Бизнесмен его читает и внимательно, молча разглядывает «Патрию». Пауза затягивается. «Что он сделает? Вызовет полицию или выгонит меня?», – думала она. Но вдруг он спокойно произносит: «Вы мне нравитесь. Я буду работать с Вами». «Хосе» стал ценным агентом нашей внешней разведки.

И так изо дня в день, из года в год, без выходных и отпусков. В Центре, видимо, поняли, что этот очень рискованный, на грани человеческих возможностей труд, становится непосильным для хрупкой женщины. В 1956 году ей решают прислать «мужа». Им должен стать наш другой нелегал «Марко» – итальянец по происхождению. И хотя она здесь начинала с нуля; создала все своими руками: и оперативные позиции, и надежную радиоточку, но начальником Москва назначила его. Бытоваля такая практика, что в семейной паре нелегалов старшим обычно был мужчина. Мудрая, выдержанная «Патрия» спокойно приняла указание сверху, хотя в душе была не согласна с ним. С мужчинами ей не везло. С первым мужем, молодым испанским офицером, они быстро разошлись, единственный ребенок умер. Второй муж, уже в СССР, офицер Красной Армии, в начале войны ушел на фронт и погиб. А что будет с итальянцем?

Начинали они жить по приказу, но скоро стали настоящими мужем и женой. У них сложилась счастливая пара, в которой они и в разведке, и в быту удачно дополняли друг друга. Она была удивительно интересной женщиной, прекрасным собеседником, отлично разбиралась в живописи, искусстве, хорошо рисовала, имела обширную библиотеку.

Но, всегда это пресловутое «но» в самый неподходящий момент. «Марко» серьезно заболел и 1 сентября 1964 года умер. «Патрия» казалось, что она потеряла все: мужа, друга, боевого соратника и единомышленника, руководителя резидентуры. Все и сразу обрушилось на ее женские плечи. Она пишет в Центр: «Я очень устала и испытываю упадок сил. Врач находит у меня

сильный невроз сердца». Пока Москва решала эти непростые вопросы, как ей помочь за тысячи километров или кем ее заменить, прошло два месяца, и Центр получил новое письмо: «В стране – крайне напряженное положение, неизбежен военный переворот. Считаю, что могу и далее продолжать свою работу». Удивительное, неженское мужество и сила духа! И чувство личной ответственности!

В Москве понимали, что бесконечно так продолжаться не может. Африка слишком долго работает в этом сложном и взрывоопасном регионе и ей давно уже нужна замена. Это случилось 21 октября 1967 года, «Патрия» покинула страну, где прожила более 20-ти лет, где успехи и радости сменялись неудачами и горестями. Что она там делала? Такие вопросы задавать пока не надо, на них все равно никто не ответит. Просто работала на свою Родину.

По возвращении в Москву Африка осталась в рядах нелегальной разведки. Она не умела много отдыхать и долго сидеть без дела. Испанская кровь требовала постоянного движения, напряжения сил, а может быть и азарта. Уже в солидном возрасте она трижды выезжала в Западную Европу и Латинскую Америку со специальными поручениями, которые Центр не мог доверить никому другому. Одна из поездок пришлась на ту страну, где она провела свои лучшие годы в разведке, где, по большому счету, была удачливой и счастливой. С разрешения высокого руководства ей удалось встретиться с некоторыми из тех, с кем она многие годы делила риски, успехи и радость общения. Это были для нее незабываемые встречи.

С 1971 года Африка полностью переходит на работу по воспитанию молодого поколения разведчиков-нелегалов. Ей было чем поделиться с этими пытливыми, иногда не в меру активными юношами и девушкиами. Практически любого новичка она «раскручивала» за одну-две беседы и почти никогда не ошибалась. Ее выводы и оценки находили потом подтверждение в ходе длительной подготовки и проверки кандидатов. Все молодые, обучавшиеся у Африки, обожали свою наставницу. Она им платила своей нерастряченной материнской любовью.

В отставку она вышла только в 1985 году, а 8 марта 1988 года ее не стало. Разведчики-сослуживцы приехали к ней домой с цветами, чтобы поздравить с праздником. Но опоздали. Совсем немного. Похоронена знаменитая разведчица на Хованском

кладбище в Москве. На мраморной плите золотом высечены слова: «Полковник Африка де Лас Эрос, Почетный сотрудник госбезопасности».

Одна из воспитанниц Африки Татьяна, много лет отработавшая за границей, не очень давно возвратившаяся на Родину и ставшая преподавателем в той же школе, с волнением рассказывает о своей любимой учительнице, как человеке невероятной доброты и щедрости, яркой, обворожительной испанке. Во время работы в Южной Америке по рекомендации Центра она купила дорогой браслет необыкновенной красоты, с которым не расставалась нигде. Однажды, когда Татьяна была далеко от России, Африка в Москве тяжело заболела и, видимо, поняла, что они уже не увидятся. Через близкого человека она сумела передать браслет туда, Татьяне. Таня поняла, что это прощание, а может быть, и эстафета.

А дальше прямая речь Татьяны: «Она меня не дождалась, умерла. Сейчас браслет у меня, и я в трудной ситуации, потому что заменить полковника де Лас Эрос невозможно. Но придет пора, и я тоже подарю его какой-нибудь хорошей девочке. Они есть и понимают: когда начинаются разговоры о зарплате, о том, кто и сколько, разведка заканчивается. И все же я надеюсь, что когда-нибудь подарю этот браслет. Только вот самую хорошую девочку я еще жду».

Абдулла Цароев – боевой соратник Медведева и Кузнецова

К людям красивым, одаренным, талантливым – судьба иногда бывает несправедливо жестокой и беспощадной, словно хочет испытать их на крепость духа, твердость воли и умение противостоять любым жизненным невзгодам. Так, или почти так, начиналась биография разведчика, чекиста Абдуллы Цароева. Его отец Дуда Цароев погиб в 1919 году в боях с белогвардейцами на Северном Кавказе вскоре после рождения сына. Мама с двумя малышами осталась одна. Абдулла рос, лишенный отцовской ласки и помощи, скоро познал тяготы недетского труда и повзрослел раньше своих сверстников.

Окончив среднюю школу в городе Назрани, красивый, статный, остроумный юноша приехал в Москву и успешно поступил в Государственный институт театрального искусства.

Но поскольку никаких отсрочек от службы в Красной Армии не имел и заступников не было, он после окончания второго курса ГИТИСа Краснопресненским райвоенкоматом Москвы был направлен в Калинковическое военное училище в Белоруссию. У него с детства хорошо получалось все, за что он ни брался. Военная учеба проходила быстро и легко. Он понимал, что должен подхватить эстафету рано ушедшего из жизни отца. В 22 года Абдулла Цароев получил лейтенантские погоны и назначение командиром роты 20 мотострелкового полка 37 Краснознаменной мотострелковой дивизии.

Шел 1941 год. До начала Великой Отечественной войны остались даже не месяцы, а всего несколько недель. Рота Цароева проходила службу у Западной границы, недалеко от Бреста, и свое боевое крещение он принял в первый день войны 22 июня 1941 года. Молодой лейтенант мужественно отбивал атаки превосходящих сил противника, подавая пример стойкости и отваги своим подчиненным, но к исходу второго дня был ранен и отправлен в тыл.

Вальтер Шелленберг, начальник управления службой безопасности германского рейха, после войны написал: «Русские использовали немецкую жестокость ведения войны в качестве идеологического базиса развертывания партизанского движения». Не только зверства нацистов на оккупированных территориях, но и острая необходимость военного командования в получении постоянной разведывательной информации заставили советское руководство создавать и направлять в тыл противника разведывательно-диверсионные формирования, возглавляемые опытными чекистами.

После лечения и короткой подготовки Абдуллу Цароева включили во вновь созданный разведывательно-диверсионный отряд под командованием батальонного комиссара Корягина. Отряд в конце июля 1941 года был заброшен в тыл противника в брянские леса и с первых дней приступил к активным действиям. Вот лишь несколько боевых эпизодов разведчиков-партизан: уничтожение в городе Кричеве немецкой комендатуры, ликвидация гестаповской группы в местечке Суши. В августе 1941 года разведгруппа Цароева на шоссе Бобруйск-Могилев устроила засаду и внезапным броском разгромила вражескую автоколонну.

Фашисты, обеспокоенные своими небоевыми потерями и активностью партизан, предприняли против отряда карательную

операцию с привлечением армейских подразделений. Под напором превосходящих сил противника отряд Корягина с боями вынужден был отходить на восток. В одном из острых столкновений погиб командир отряда, и лейтенант Цароев принял командование на себя.

Абдулла Цароев не искал легких путей, да и вряд ли они могли быть в жестокое военное лихолетье. Форсировав две речные преграды, его группа тайными тропами в брянских лесах в начале сентября 1941 года вышла к месту дислокации партизанского отряда «Митя» капитана госбезопасности Дмитрия Медведева. Последний принял прибывших в свое подчинение, о чем доложил шифровкой в Москву, а Цароев вскоре был назначен начальником разведки объединенного отряда.

Первое задание для его группы было пробраться в село Орловка и уничтожить охраняемую полицейскими мельницу, снабжавшую фашистов мукой и крупой. Разведчики ликвидировали полицаев, погрузили и отправили 20 повозок муки на партизанскую базу, остальное раздали местным жителям, а мельницу вывели из строя.

В это время из Москвы поступило важное сообщение. В лагере военнопленных города Жиздра под фамилией врача Корзухина действует фашистский резидент, который из числа неустойчивых и колеблющихся советских пленных вербует агентов для подготовки и заброски в тыл наших войск. Приказ – взять его живым и переправить в Центр. Эту непростую задачу Медведев поручил Цароеву. Последний побывал, и не раз, в Жиздре, провел всестороннюю разведку, тщательно изучил всю систему охраны наиболее важных объектов. И только после этого Медведев направил в город одновременно несколько боевых групп. Захват резидента поручили группе Цароева. И он блестяще справился с этим ответственным заданием. «Корзухин» был арестован и отправлен специально присанным самолетом в Москву.

В конце января 1942 года по решению Центра отряд Дмитрия Медведева «Митя» был отозван в Москву для отдыха, пополнения и дополнительной подготовки в целях организации разведывательной и диверсионной работы в Западной Украине в районе города Ровно, в котором располагался штаб палача украинского народа – генерала Эриха Коха, а также штабы и администрации многих других военных объединений и организаций фашистской Германии.

16 февраля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за доблесть и мужество, проявленными в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Абдулла Цароев был награжден орденом Красной Звезды.

По окончанию подготовки ночных рейсов, самолетом без опознавательных знаков, группа парашютистов во главе с Цароевым была заброшена в тыл противника, в район станции Толстый Лес. На приготовленную разведчиками базу прибыл командир отряда «Победители» Дмитрий Медведев, а в августе 1942 года в отряде появился разведчик Николай Кузнецов. Абдулле сразу понравился этот русоволосый, очень спокойный, уверенный в себе человек. По распоряжению командира отряда Медведева Цароев после каждого боевого задания приносил Кузнецова документы уничтоженных фашистов, газеты и журналы на немецком языке. Последний тщательно изучал все и готовился к выходу в город Ровно в роли оберлейтенанта Пауля Зиберта. С Цароевым они подружились сразу.

Местные бандеровцы сумели собрать некоторые данные о действиях боевых групп отряда «Победители» и намеревались передать их эсэсовцам в районе Чабельских хуторов. По распоряжению Медведева Абдулла с группой разведчиков устроил там засаду, и когда бандеровцы встретились с прибывшими немецкими офицерами, партизаны внезапным огнем уничтожили всех. Цароев обыскал убитых, забрал оружие и документы. У одного из офицеров в кармане оказался гестаповский жетон: на лицевой стороне – орел со свастикой, на обороте – надпись: «Тайная государственная полиция. № 4885». Пригодится Кузнецову, решил Абдулла.

И действительно, жетон очень выручил Николая Кузнецова и его группу по время похищения ими командующего Восточными войсками генерала Ильгена в городе Ровно на улице Мельничной. Когда генерал, уже втиснутый в машину партизан, сумел вытолкнуть изо рта кляп и закричал о помощи, к машине бросились четыре проходивших мимо гитлеровца. Ситуация была критическая. Николай Иванович, а он был в форме оберлейтенанта, с присущим ему хладнокровием вышел навстречу немцам, показал им гестаповский жетон № 4885 и строго приказал: «Ваши документы!». Проверив документы, Пауль Зиберт отпустил немцев, объяснив, что он проводит задержание опасного преступника.

Абдулла Цароев в своей смелости и отваге был неудержим, он рвался в самое пекло боя, оказывался в центре любой схватки. И потому командир отряда Медведев поручал именно ему самые сложные, самые рискованные операции. И Цароев, умело просчитывая и тщательно готовя их, выходил с честью из любых ситуаций. Но однажды судьба-злодейка подкараулила и его. Абдулла прикрывал отход своих товарищей и получил очень тяжелое ранение. Срочно самолетом был доставлен в военный госпиталь в Москву. Врачи выходили отчаянного разведчика, но вернуться в партизанский отряд ему не разрешили. Решением руководства Центра он был зачислен в 4 Управление НКГБ СССР и занялся подготовкой рядового и сержантского состава для работы в тылу врага. Молодой чекист имел богатый опыт зафронтовой работы и ему было что рассказать своим слушателям.

26 декабря 1943 года за успешное выполнение спецзаданий в тылу противника Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден вторым орденом Красной Звезды, а затем последовал приказ Украинского штаба партизанского движения о награждении ингуша Цароева медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени. Через год командир отряда полковник Медведев представил его к высокому званию Героя Советского Союза. Но это представление легендарного командира затерялось в высоких канцеляриях, куда уже пришел секретный циркуляр об очередных «врагах народа», выселенных со своей родины – ингушах и чеченцах.

Войска Красной Армии заканчивали освобождение территории Украины, и отряд под командованием Медведева был отозван в Москву и расформирован, а Цароев в это время получил назначение на оперативную работу в органы госбезопасности Киргизии. Он приехал в город Фрунзе, где встретился со своей матерью, пережившей все трудности депортации. Абдулла взял на себя заботы по воспитанию детей старшего брата, которых осиротила беспощадная война. Единственный брат разведчика погиб еще в ноябре 1942 года в боях под Сталинградом.

На всю оставшуюся жизнь медведевцы были спаяны настоящей военной дружбой. Разведчица отряда Мария Фортус написала Цароеву: «Я посыпаю вам мой скромный труд – брошюрку о Н. И. Кузнецова, которую подготовила к его 50-летию. Меня очень радует и должно быть приятно вам, что буквально через каждые две-три страницы встречается фамилия Цароева».

Абдулла Дудиевич рано ушел из жизни. В 1985 году славного разведчика, чекиста не стало. «Мы, оставшиеся в живых партизаны отряда «Победители», – пишет М. Кабашев, – низко склоняем головы перед светлой памятью нашего боевого товарища. Мы гордимся тем, что плечом к плечу с этим замечательным человеком боролись за свободу нашей Родины».

Всего в одном рукопожатии от разведчика Кузнецова

На дистанции одного рукопожатия. Есть такое понятие о мере близости к объекту твоего внимания. Например, Николай Струтинский, лучший друг и боевой соратник Николая Кузнецова, практически ежедневно мог обмениваться рукопожатиями со знаменитым разведчиком во время их совместного пребывания в Ровно и партизанском отряде «Победители». И если мне довелось однажды пожать руку Николая Струтинского, значит, я был очень близко, всего в одном рукопожатии от Николая Кузнецова. Таких счастливых и везучих людей, стоявших в шаге от легенды разведки, на сегодня в России осталось несколько человек, а в Тюмени – скорее всего один.

Но давайте по порядку. В мае 1967 года меня, тогда еще молодого оперуполномоченного контрразведывательного отдела Управления КГБ по Тюменской области, направили на курсы повышения квалификации в школу КГБ СССР в город Киев. По прибытии в аэропорт Киева Борисполь на привокзальной площади выбираю таксиста посолиднее, лет пятидесяти, как мне показалось, с приветливым русским лицом. Сажусь, называю адрес – улица Красноармейская, дом 117. Таксист вежливо поправляет: «У нас в Киеве говорят Червоноармейская. Если вы по этому адресу на учебу, значит надолго. Привыкайте к нашим названиям, украинцам так больше нравится». На мой не очень конкретный ответ и недоуменный взгляд таксист пояснил, что он работает на такси давно и уже немало перевозил молодых людей моего возраста на этот адрес, где расположена школа КГБ, и в которую едут со всего Советского Союза. В народе это место называется «полицейский садик». Несколько больших старинных зданий окружены роскошным зеленым садом и все это обнесено

крепким каменным забором. До революции 1917 года в этих зданиях размещалось Главное полицейское управление города Киева, вот отсюда и теперешнее название.

Я понял, что человек этот настроен благожелательно, знает много, поэтому признался, что приехал на учебу. Это признание стало мостиком для доверительного разговора, ведь ехать до адреса около часа и поговорить можно о многом. Говорил, разумеется, больше таксист. Он сразу предупредил меня, что отношение к русским на Украине неоднозначное, особенно в западных областях республики, где проживает основная масса украинских националистов. В столичном Киеве их тоже хватает, особенно среди молодежи.

В школе встретили хорошо, в общежитии расселили по двухместным номерам. Мой сосед оперативник из Винницы Николай Вернидуб. В соседнем номере оказался очень общительный грузин Зураб Лашкарашвили, с которым мы потом подружились.

Первый день был организационным: разбивка по группам, назначение старост, выборы культ- и спорторганизаторов, редакции «Боевого листка». Редактором «Боевого листка» начальник курса предложил меня, поскольку в характеристике из Тюмени были отмечены мои наклонности к прозе и стихам.

Последовал ряд предупреждений. На территории школы – форма повседневная, на учениях – полевая. Выход в город в военной форме запрещается во избежание недоразумений с местным населением. Фотографирование в форме – только в учебных целях и для «Боевого листка», фотографии из школы не выносить, домой не пересылать. Причина – на нашем потоке обучаются несколько офицеров, в совершенстве владеющих иностранными языками, которые в последующем могут быть использованы на работе за границей. Ну, а дальше началась напряженная учеба, перемежаемая спортивными соревнованиями, походами в Киевский театр оперы и балета, театр русской драмы имени Леси Украинки, посещениями Киево-Печерской лавры и центрального стадиона «Динамо».

Шел 1967 юбилейный год, год пятидесятилетия советской власти. Об этом много писали и говорили. Но как-то очень естественно в мощный информационный поток влилась кузнецкая строка. Молодежь, да и старшее поколение, продолжали с интересом читать яркие, запоминающиеся

книги командира отряда «Победители» Дмитрия Медведева, повести и рассказы других авторов, главным героем которых был легендарный разведчик Кузнецов, по признанию ЮНЕСКО лучший разведчик 20-го столетия. В этом же году Свердловская киностудия снимает двухсерийный фильм «Сильные духом». Роль разведчика Кузнецова исполняет популярный прибалтийский актер Гунар Цилинский, внешне похожий на Николая Ивановича, а еще больше – на Пауля Зиберта. За первый год фильм посмотрели свыше 110 миллионов зрителей, это больше половины населения всего Советского Союза.

Весной 1967 года тюменский скульптор Алексей Клюкин закончил работу над бюстом Героя Советского Союза Николая Кузнецова и подарил его Тюменскому горкому ВЛКСМ, который энергично взялся за создание памятника. 19 декабря 1967 года, накануне 50-летия ВЧК-КГБ памятник был открыт в Тюмени на улице Республики, в сквере сельхозинstitута.

А в далеком Киеве во второй половине июля накануне дня рождения Николая Кузнецова руководство школы КГБ устроило для курсантов незабываемую встречу с другом и боевым соратником Кузнецова Николаем Струтинским.

Перед началом встречи – традиционный показ гостю лучших кабинетов, аудиторий и лабораторий с очень современной техникой. Кабинет парткома, в котором квартировал «Боевой листок», конечно же, был в списке. Николай Струтинский вначале поздоровался с секретарем парткома, потом пожал руку редактору «Листка». Мне запомнилась широкая, тяжелая ладонь Николая Владимира Ильинича и его открытое, добре и улыбающееся лицо. Тогда я ничего не просчитывал, просто был рад и счастлив, что удалось пожать руку и обменяться парой слов с таким замечательным человеком. Это уж потом мы высчитали, что через Николая Струтинского я, фактически, оказался всего в одном рукопожатии от легендарного Николая Кузнецова.

Описывать весь разговор в актовом зале нет необходимости, но некоторые моменты надо отразить. Николай Струтинский рассказал, что на работу во Львовское управление КГБ он пришел после войны и с тех пор часть его служебной деятельности и почти все свободное время связаны с Николаем Кузнецовым и другими членами отряда «Победители». Именно ему

пришлось выступать основным организатором и исполнителем многолетних поисков места гибели и захоронения разведчика, идентификации и переноса его останков на Холм Славы во Львов. А теперь вот приходится еще и защищать честное имя Николая Ивановича от фальсификаций и нападок со стороны украинских националистов и некоторых недобросовестных журналистов и писателей.

Обвинения Кузнецова в террористических актах против высокопоставленных фашистских руководителей в Ровно и во Львове абсолютно беспочвенны. Он действовал по законам военного времени. Эти представители вооруженных сил Германии напали на СССР, истребляли мирное население, и их справедливо настигло возмездие. А главное, как подчеркнул Струтинский, перед Кузнецовым всегда стояла задача вести глубокую разведку среди гитлеровских оккупантов, и он успешно с этимправлялся. Вот лишь некоторые наиболее значимая информация, добытая им ставка Гитлера под Винницей, наступление немцев под Курском, подготовка покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране.

Каким запомнился Струтинскому Николай Кузнецов? Он был очень разным и обладал весьма ценным для разведчика даром перевоплощения. Если в редкие дни отдыха партизаны собирались вечером у костра, Николай Иванович читал иногда наизусть стихи Лермонтова и Пушкина. Это было вдохновенно и артистично, он выглядел добрым и романтичным молодым человеком. Но вот он надевал мундир немецкого офицера, и от Николая ничего не оставалось: другая осанка, плотно сжатые губы, немного выдвинутый вперед подбородок, холодный взгляд. И это был уже оберлейтенант Пауль Зиберт, стопроцентный немец.

Вопросов от курсантов было много, в основном, они носили профессиональный чекистский характер. Но вот темпераментный грузин Зараб Лашкарашвили неожиданно спросил: «Боевые дела Николая Ивановича в литературе многократно описаны, а какие у него были взаимоотношения с женщинами?». Улыбнувшись, Струтинский ответил: «Хорошие». И пояснил, что Кузнецов был привлекательным и контактным молодым человеком, всегда следил за своим внешним видом и нравился женщинам. Женился он рано, в 19 лет, но по неизвестным причинам брак скоро распался. Перед

войной в Свердловске и Москве в период сотрудничества с НКВД он сам себе практически не принадлежал и о семье речи быть не могло. Контакты с женщинами были, но, в основном, по заданию. В партизанском отряде он больше других уделял внимание испанской радиостке, красавице Марии, передававшей большую часть его шифровок, и Валентине Довгер, вместе с которой он ходил фактически за смертью к Эриху Коху. По независящим от них причинам, покушение не состоялось, и судьба подарила им жизнь. Однажды он обмолвился Струтинскому, что если доживет до победы, готов на Вале жениться.

В заключение Струтинский подчеркнул, что лучшего друга, чем Николай Кузнецов у него не было и не будет. Это был патриот России, сражавшийся и отдавший жизнь за свободу Украины, и украинцы всегда будут чтить память Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

На прощание удалось сделать фото на память. В первом ряду сидят начальник школы КГБ генерал-майор Павел Шевченко и в штатском Николай Струтинский. Мне удалось сохранить фотографию в редакции «Боевого листка» и увезти в Тюмень. 25 лет фото хранилось в моем сейфе в Управлении КГБ по Тюменской области и уже более 20-ти лет после ухода в отставку – в личном архиве (я на фотографии первый справа во втором ряду). Публикуется фотография впервые.



Николай Кузнецов,
студент Талицкого лесного
техникума



Дмитрий Медведев,
командир отряда «Победители»



Николай Гnidюк (2-й слева), Николай Кузнецов (1-й слева),
Иван Приходько, Ян Каминский (1-й и 2-й справа),
эсэсовец Петер Диппнер (в центре). 12.04.1943 г.



Валентина Довгер,
соратница разведчика Н. Кузнецова



Африка де Лас Эрос, лучшая
радистка отряда «Победители»
полковник госбезопасности



Слева направо:
В. Г. Семенов, В. К. Довгер, В. В. Кочетков, Н. В. Струтинский
на 80-летии В. В. Кочеткова.
г. Куйбышев. 25 сентября 1982 г.



Абдулла Цароев,
начальник разведки отряда,
боевой саратник Н. Кузнецова



Николай Кузнецов – Пауль Зиберт



Курсанты школы КГБ СССР с разведчиком Николаем Струтинским
(в центре в костюме). г. Киев, июль 1967 г.



«Бессмертный подвиг Николая Приходько».
Художник Г. Г. Пономаренко



Дмитрий Николаевич Медведев и Валентина Довгер
на встрече с молодежью. 1950 г.

Фронтовик. Чекист. Герой

Оперативная судьба свела меня с Поликарпом Петровичем Прокопьевым в 70-х годах теперь уже прошлого столетия. Работал я в то время в Тюменском Управлении КГБ в отделе полковника Чулимова Евгения Михайловича. Москва поставила перед нашим отделом задачу, которую быстро решить не получилось. Мы с Чулимовым перебрали несколько вариантов, в конце концов остановились на Нижней Тавде. Там председателем колхоза «Большевик» работал офицер запаса КГБ Прокопьев Поликарп Петрович, который когда-то прошел почти четырехлетнюю школу практической чекистской деятельности в Тюменском управлении МГБ и с которым был знаком Чулимов. При желании он, конечно, мог бы оказать нам весьма существенную и, главное, квалифицированную помощь.

После недолгих телефонных согласований еду в Нижнюю Тавду. Встречаемся после обеда в отличном для села кабинете добротного, недавно построенного правления колхоза. Строил, разумеется, Прокопьев. С его приходом много нового появилось в Нижней Тавде, – например, даже целая улица.

Зная, что разговор предстоит непростой, хозяин кабинета коротко объявил: «Я в Вашем распоряжении до конца дня». Ну, а дальше, если говорить протокольным языком, переговоры прошли в духе полного взаимопонимания, стороны достигли соглашения по всем обсуждавшимся вопросам. Более того, Поликарп Петрович с учетом своего прошлого опыта и детального знания оперативной обстановки на месте сам внес ряд поправок и предложений в разработанный нами в Тюмени план. Беседа закончилась поздно, и радушный хозяин предложил поужинать у него дома. Просторный дом председателя располагался рядом с правлением. За ужином говорили обо всем: о проблемах колхоза и области, о богатой библиотеке хозяина, о тюменских и московских поэтах, о новациях Поликарпа Петровича в сельском хозяйстве, за которые в районе его прозвали «разведчиком». С этого дня наши отношения стали не только деловыми, но и дружескими, а встречи приобрели регулярный характер как в Тавде, так и в Тюмени. Кстати, звали его и на работе, и в Тюмени чаще Павлом Петровичем. Мне он тоже сказал: «Не ломай язык, зови меня Павлом».

Родился Поликарп Петрович 17 марта 1925 года в Чувашии в крестьянской семье. В 1928 году семья переехала в Велижанский, ныне Нижнетавдинский, район к другим чувашам, которые раньше освоили эти земли. Летом, как и все сверстники, он помогал старшим на полевых работах, зимой учился.

В 1943 году после десятого класса ушел на фронт. Воевать пришлось на Первом, Втором и Третьем Украинских фронтах. Прямо из Западной Украины, почти из Львова, шагнул в Венгрию, дальше освобождал Австрию и Чехословакию. Сражался достойно. Орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 1 степени, медаль «За Отвагу» украсили его грудь.

После войны – Дальний Восток, граница. С 1950 по 1954 год – работа в оперативном отделе Управления МГБ Тюменской области. В мае 1954 года по партийному призыву в числе других «двадцатипятитысячников» – именно такое количество специалистов Москва призвала в село – решением бюро Тюменского обкома КПСС направлен «поднимать сельское хозяйство» председателем колхоза имени Дзержинского.

Энергии и желания работать было больше, чем достаточно. Фронтовик, чекист, неуемный труженик, он не мог что-то делать хуже других. Но системных знаний не хватало. И Павел Петрович идет на агрономический факультет Тюменского сельхозинститута.

В 1963 году его избирают председателем крупного колхоза «Большевик». В тот год колхозники получили по 7 центнеров зерна с гектара. Прокопьев сумел сплотить коллектив, внедрить новые технологии в земледелии и животноводстве. Урожайность постепенно подняли до 26-28 центнеров. О колхозе заговорили не только в нашей области, но и в соседних регионах. Первый секретарь обкома КПСС Борис Щербина не раз лично наведывался к Павлу Петровичу.

Страна высоко оценила заслуги Прокопьева. Два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда добавились к его фронтовым наградам. Это единственный в России случай, когда чекист, пусть и в прошлом, стал Героем Социалистического Труда.

Павел Петрович имел обширную и разнообразную библиотеку, много читал, писал и печатался в Тюмени и Москве. Однажды я привез из Москвы сборник «Чекисты». Там хорошо написано о

многих героях – чекистах. Павел Петрович прочитал с большим интересом, но когда стали обсуждать, его внимание больше других привлек наш земляк Николай Кузнецов. Он уже не первый раз читает о Кузнецова. Как фронтовик и чекист он очень высоко ценит все, что сделал этот замечательный и великий разведчик.

Более того, военные дороги Прокопьева на Украинском фронте прошли где-то рядом с тропами, по которым ходил Кузнецов. Это не просто совпадение дорог двух военных, это судьба целого поколения, которое отстояло Родину от фашистской чумы. «Но нам было проще на фронте, – говорил Павел Петрович, – если в окопах – мы стояли плечом к плечу, если шли в атаку, то дружной цепью под крики «Ура!». А он в тылу врага, один с пистолетом в кармане, а кругом ищейки гестапо и службы безопасности, военные патрули с автоматами».

Дальше с горячностью и присущей ему категоричностью Павел Петрович стал говорить о Николае Кузнецова. Да, Медведев, командир отряда, отвечал за все. Но он был глубоко в лесу, в окружении своего штаба и партизан. А Кузнецов один ходил по улицам Ровно, не раз сидел за столом рядом с германскими офицерами, среди которых было немало умных, хорошо обученных военных и сотрудников спецслужб. Николай Иванович – это глаза и уши отряда в Ровно. Самую ценную развединформацию о наступлении немцев под Курском, о ставке Гитлера в Виннице, о заговоре в Тегеране и многое другое, что Медведев передавал в Москву, добывал Кузнецов. А когда Центр потребовал провести ряд актов возмездия над высшими чинами оккупационных войск, главным исполнителем опять стал Николай Иванович».

Я напомнил Павлу Петровичу, что молодой Николай Кузнецов учился на агрономическом отделении Тюменского сельхозтехникума, а Прокопьев окончил агрономический факультет сельхозинститута. Получается, что по одним коридорам ходили. Можно ли говорить, что из стен этого учебного заведения вышли два Героя? Павел Петрович ответил: «Говорить можно, но лишь в самом первом приближении. Когда я учился, о тех коридорах вообще почти никто не вспоминал. Это когда Николаю Ивановичу памятник в 1967 году поставили, многие заговорили и о коридорах, и об аудиториях. И потом, я свою Звезду Героя на мирном тавдинском поле заработал. Это далеко не одно и тоже, что в глубоком тылу врага под Ровно. Я в Тавде почти ничем

не рисковал, просто больше других работал. Он же ежедневно рисковал жизнью. Звезда Кузнецова, думаю, подороже будет и сияет поярче. Уверен, что историки еще изучат и оценят все, что сделал Николай Иванович. На его примере будут учить молодежь. Это время когда-нибудь обязательно придет».

Разговор этот состоялся более тридцати лет назад. И время действительно пришло. В год столетия со дня рождения Николая Ивановича Кузнецова страна в полной мере и по заслугам возвращает ему все долги.

Чекист сражался под Москвой

4 декабря 2011 года состоялись выборы в Государственную Думу Российской Федерации. Мы, кто дружно, а кто и не очень, сходили на избирательные участки и проголосовали за свое будущее на ближайшие пять лет. 5 декабря – День воинской славы России – День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских захватчиков в битве под Москвой в 1941 году. В этот день армия, страна, весь советский народ решали свою судьбу на века.

Конец ноября – начало декабря 1941 года страна жила в тревожном ожидании. На всех направлениях, на всех участках фронтов, которые вели в сторону Москвы, шло ожесточенное сражение. Медленно, ноупорно, фашистские войска продвигались к нашей столице и фронтально, и обходя ее с севера и юга.

Тревожный голос диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана по несколько раз в день сообщал о все новых городах и поселках, оставленных нашими частями. Мне шел девятый год, это было в Омской области, и я хорошо помню, как в перерывах между уроками мы выходили на школьное крыльце и вместе с учителями слушали «голос» Москвы, который раздавался на площади из черной радиотарелки. Но страна замирала в тревоге лишь в те минуты, когда говорил Левитан. Все заводы и фабрики день и ночь, в три смены, не останавливаясь, работали на Победу. Ежедневно, ежечасно выпускались танки и самолеты, орудия и винтовки, изготавливались снаряды и патроны. У станков стояли заменившие ушедших на фронт бойцов старики, женщины и дети.

Зима была лютая. Во всех деревнях и поселках женщины шили для солдат полушибутки, вязали теплые носки и варежки.

Самым дорогим подарком для бойца на фронте была посыпка из дома с шерстяными носками и варежками, ну и кисет с крепким деревенским табачком – самосадом.

Все железные дороги работали на пределе возможного. Эшелоны с танками и орудиями, вагоны с провиантом и обмундированием, теплушка с солдатами день и ночь непрерывно двигались с Дальнего Востока, из Сибири и Зауралья в сторону Москвы.

В 1956 году я после окончания Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта приехал на работу в Ачинск Красноярского края. Один из старожилов-железнодорожников рассказал мне интересный эпизод из того декабря 1941 года. В ночную смену, когда температура воздуха опустилась ниже 40 градусов, на главном пути станции Ачинск лопнул рельс. Движение замерло. Прибежал разгневанный военный комендант станции и, размахивая пистолетом, приказал немедленно восстановить движение. Путейское начальство мучительно соображало, как доставить с другого конца станции запасной рельс. Все станционные пути забиты вагонами, вручную дотащить тяжеленный рельс очень трудно. А еще сколько времени потребуется, чтобы в темноте и в такой мороз провести замену.

Неожиданно выручил старый стрелочник дед Аким. Он подозревал машиниста паровоза, взял железную лопату, опустился на колени, накрыл лопатой трещину в рельсе и попросил машиниста медленно проехать опасное место. Проехали вначале одним паровозом, получилось! Затем прицепили состав и также осторожно провели через злополучный рельс. Дед Аким никого не подпускал, стоя на коленях, изо всех сил прижимал лопату к трещине. Движение поездов, как записали потом в акте, было восстановлено по временной схеме. Весь железнодорожный поток вновь устремился к Москве.

С учетом сложной и трудно прогнозируемой ситуации Правительство страны, Ставка Верховного Главнокомандования пытаются принять все возможные меры для защиты столицы. Генеральный штаб, руководство Западного фронта на отчаянные, настойчивые просьбы командиров сражающихся частей о помощи умоляют их потерпеть, продержаться час – другой или до конца дня, или до утра следующего. Прибывающие с востока свежие войска немедленно идут в бой. Но кое-что остается в резерве Ставки.

А в самой Москве начинается частичная эвакуация. Для Правительства страны подготовлен запасной пункт в городе Куйбышеве. Саркофаг с телом Ленина еще раньше из Мавзолея уехал на поезде в Тюмень, потому что наша Тюмень считается равноудаленной от всех границ точкой страны, а, значит, менее уязвимой. К тому же сибиряки даже в те суровые дни однозначно говорили: «Что бы там ни случилось, а немца за Урал мы не пустим».

Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин даже ночью не покидает свой рабочий кабинет. Не получив определенного ответа от Генерального штаба, Сталин приглашает к себе Георгия Жукова и прямо спрашивает: «Удержим ли мы Москву?» Свидетелей при разговоре не было, протокол не велся. А посему одни историки написали потом, что Жуков ответил: «Отстоим», а другие отметили, что умудренный опытом полководец осторожно сказал: «Постараемся».

Как бы там ни было, но одновременно с обороной Москвы Генеральный штаб по указанию Верховного Главнокомандующего в обстановке строгой секретности готовил план контрнаступления Красной Армии под Москвой. И это наступление 5 декабря 1941 года состоялось. С той поры мы, в основном, только наступали и в мае 1945 года в Берлине на руинах рейхстага встретили Победу.

На работу в Тюменское управление госбезопасности я прибыл по окончании спецшколы КГБ СССР 3 января 1962 года. Тогда не было нынешних «куршевелевых каникул» и к работе приступали сразу после Нового года.

На первом практикуме для начинающих чекистов кадровик объявил, что занятие проведет участник Великой Отечественной войны майор Адров Илья Васильевич. Спортивная выправка, открытое красивое лицо, добрая улыбка, четкая речь, умение с первых минут установить контакт со слушателями, прекрасное знание материала – все это заворожило нас. Два часа пролетели, как одно мгновение. А в конце занятия кто-то спросил: «Товарищ майор, можете ли рассказать, где воевали?». Илья Васильевич как-то смущенно и немногословно ответил, что начинал курсантом в 41-ом под Москвой, затем ранение, госпиталь, офицерские курсы. И лишь теперь, в год 70-летия исторического контрнаступления Красной Армии под Москвой, мы по кусочкам собираем материал о тех, кто в суровом 41-

ом отстоял столицу нашей Родины, защитил независимость страны.

Адров Илья до войны проживал с родителями в селе Уват Тобольского района. Кстати, именно в 1938 год в Уват была сослана семья раскулаченной Агафьи, старшей сестры разведчика Кузнецова. В 1940 году Адров поступил в Свердловский педагогический институт. Началась война, и он добровольцем пошел в Коммунистический батальон при военно-пехотном училище в городе Свердловске. Доучиться курсанту не пришлось. Фашисты были близко от Москвы, и по приказу командования в августе 1941 года все курсанты были направлены на Западный фронт для обороны столицы. Начал войну молодой курсант вторым номером пулеметного расчета. Бои шли почти ежедневно, и в одном из них Илья получил пулевое ранение. После недолгого лечения в госпитале боец Адров возвратился в родную 53 дивизию, которая вела затяжные, ожесточенные бои на ближних подступах к столице.

И вот, наконец, наступило 5 декабря 1941 года. 53 дивизия и весь Западный фронт двинулись в наступление. Фашисты оказывали яростное сопротивление. Пулеметный расчет Адрова сражался в первых рядах, и однажды немцы накрыли пулеметчиков минометным огнем. Илья Васильевич получил тяжелое осколочное ранение навылет в грудь. Снова госпитали, сначала в Москве, потом в Ташкенте. Там же он оканчивает офицерские курсы и в звании лейтенанта направляется на Белорусский фронт на должность командира пулеметного взвода.

Фронт с боями продвигался вперед. И снова пулеметчики на первой линии огня. В конце 1943 года во время одной из атак лейтенант Адров падает, сраженный сразу тремя минометными осколками. Тяжело раненного офицера самолетом доставляют в Москву, и столица, которую он так верно и стойко защищал, спасла ему жизнь. Но в действующую армию по состоянию здоровья он вернуться не смог и был направлен на работу в военкомат села Уват Тобольского района.

Родина отметила его заслуги орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Москвы» и другими наградами. А в июне 1945 года Илья Васильевич стал чекистом Тюменского управления госбезопасности, где достойно прослужил почти тридцать лет. Ушел из жизни Герой обороны Москвы в 2001 году в возрасте 80 лет.

Летом 2011 года в период подготовки материалов о разведчике Николае Кузнецова сотрудник отдела кадров Управления майор ФСБ в отставке Геннадий Выродов рассказал мне со слов Адрова, что в Увате пути Ильи Васильевича и старшей сестры разведчика Кузнецова Агафьи пересеклись. Обвиненная в принадлежности к кулачеству она вместе с семьей еще до войны была выслана из Зырянки в Уват, где по установленному порядку еженедельно должна была отмечаться в комендатуре. Но когда работники военкомата узнали, что она родная сестра Героя Советского Союза Кузнецова Н. И., по инициативе Адрова сотрудники комендатуры перестали дальше подвергать Агафью этой унизительной процедуре и освободили от явок в комендатуру.

Фронтовик, скульптор, автор памятников разведчику Николаю Кузнецову

27 мая 2013 года исполнилось 90 лет со дня рождения скульптора Алексея Клюкина. Он один из первых и, пожалуй, единственный, кому удалось так ярко и убедительно создать образ знаменитого разведчика Николая Кузнецова.

В России не так много памятников легендарному разведчику Кузнецову. Ну а много ли у нас памятников другим героям Великой Отечественной войны, например, маршалу Жукову, трижды героям-летчикам Покрышкину и Кожедубу, многим другим героям войны? А бессменному руководителю Внешней Разведки СССР в предвоенные и военные годы нашему земляку, генерал-лейтенанту Павлу Фитину, внесшему огромный личный вклад в дело Победы, по вине «бериевских приспешников» нет ни звания Героя, ни памятника. Сейчас чекисты-ветераны Курганской, Тюменской и Свердловской областей, жители села Ожогино, где родился Фитин, прилагают большие усилия, чтобы устраниТЬ эту историческую несправедливость.

Из немногочисленных памятников Николаю Кузнецову в стране заметно выделяются широко известные памятники Алексея Клюкина в Тюмени и Талице. Все, кто хоть раз побывал в этих местах, посмотрел на молодое красивое лицо Николая Ивановича, навсегда уносят в душе чистый, мужественный, несгибаемый образ Героя.

В Тюмени памятник установлен на улице Республики в сквере сельхозакадемии. В 1926-1927 годах в тогдашнем сельхозтехникуме на агрономическом отделении учился будущий разведчик. С момента открытия памятника в 1967 году тюменские чекисты ежегодно в День Победы 9 мая и в день рождения Николая Кузнецова 27 июля коллективно возлагают цветы к подножию монумента. Бывают здесь жители и гости города, студенты и учащиеся. Отсюда начинались авто-, мото- и велопробеги, посвященные Герою-разведчику.

Не так давно, стоя у этого памятника, я кроме благодарных, высоких мыслей о Николае Кузнецове подумал о том, почему на памятнике нет фамилии скульптора. Она была, но строители при ремонте поменяли плиту, а фамилию написать забыли. Но ведь должно там быть имя человека, подарившего нам этот героический образ, эту радость встречи, это счастье прикоснуться к легенде.

Родился Алексей Клюкин 27 мая 1923 года в городе Тюмени в семье рабочего. Всего детей было трое: старший брат Василий, сестра Нина и Алексей. В 1932 году отец Иван Васильевич и мать Анна Яковлевна в поисках лучшей доли переехали в город Киров, а затем в 1937 году – в город Горький. Здесь Алексей успел окончить 8 классов школы и прошел обучение в скульптурной мастерской «Художник» по специальности художника-скульптора. В 1940 году семья перебралась к старшему сыну Василию в Карело-Финскую АССР, где тот проходил военную службу. Однако в 1941 году с началом Великой Отечественной войны они вынуждены были эвакуироваться на родину, в Тюмень, где Клюкин поступил на работу художником в артель «Бытовик».

1923 год был особенным для большинства молодых людей страны: всем им в 1941-ом исполнилось 18 лет и практически все были призваны в Красную Армию. Кому-то удалось пройти скоротечные курсы «Выстрел», кто-то попал в военные училища, но дальше у всех была одна дорога – на фронт. Молодые, необстрелянные, не имевшие ни жизненного, ни военного опыта, многие из них погибли уже в первых боях. Алексею Клюкину повезло, он прошагал пол-Европы и дожил до Победы.

2 января 1942 года он был зачислен курсантом в Тюменское военно-пехотное училище, а уже 5 мая отправлен в действующую армию. Участвовал в боях в составе 215 стрелковой дивизии Западного фронта, при обороне города Ржева получил ранение и

контузию. В конце 1943 года после госпиталя был командирован на курсы подготовки офицерского состава воздушно-десантных войск в Нахабино Московской области. В 1944 году семья Клюкиных получает одну за другой две похоронки: в боях за Родину погиб отец Иван Васильевич и старший брат Василий. Алексей принимает решение досрочно, добровольно выехать на фронт. В сентябре 1944 года он был зачислен в оперативный отдел 38 Воздушно-Десантного корпуса с присвоением звания гвардии старший сержант. Участвовал в боях на территории Венгрии, Австрии и Чехословакии в составе Второго и Третьего Украинских фронтов. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За освобождение Вены», «За победу над Германией» и «За участие в Великой Отечественной войне», получил четыре Благодарности в приказе от Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина.

5 августа 1945 года Алексей Клюкин был демобилизован из армии по состоянию здоровья и выехал из Будапешта в Тюмень. В сентябре военно-медицинская комиссия Тюменского горвоенкомата определила ему инвалидность 2 группы по ранению и контузии, и он был снят с воинского учета. Но ему было 22 года, руки просили работы, а душа требовала творчества. Сказывались его непреодолимая тяга к рисованию в школе и довоенная учеба в скульптурной мастерской. Да и во время войны штабисты, зная его художественные наклонности, не раз и не два привлекали его к изготовлению карт и планов боевых операций.

В составе группы творческих сотрудников Клюкин принимает участие в создании в городе Тюмени областного товарищества «Художник», члены которого занимаются оформительскими, художественными и скульптурными работами. Вместе с архитектором города он участвует в разработке проекта создания городского парка в Тюмени. В 1951 году решением правления товарищества был направлен в Москву для повышения квалификации, где временно исполнял обязанности заместителя директора скульптурно-художественной мастерской № 2 Художественного Фонда СССР. По окончании стажировки вернулся домой и в сентябре 1953 года был принят скульптором в Тюменское отделение Художественного Фонда РСФСР, где проработал много лет. За этот период им было создано около 30 работ, которые побывали

на тюменских областных выставках, на Всесибирской выставке в Новосибирске и трижды на Всесоюзной выставке в Москве. Многие из них были отмечены грамотами и призами.

В 1953 году скульптор-фронтовик встретился с врачом облбольницы Старовойтовой Александрой, тоже прошагавшей в качестве медсестры по многим странам военной Европы. Молодые люди полюбили друг друга, 13 февраля 1955 года зарегистрировали свой брак, а в 1958 году в семье появился сын, названный, конечно же, Алексеем. Таковы правила в династии Клюкиных называть первенца по имени отца.

2011-й год был годом 100-летнего юбилея со дня рождения Героя Советского Союза разведчика Николая Кузнецова. Именно в этот год я провел тщательные поиски материалов о скульпторе Клюкине, о котором мы имели довольно скучную информацию. Удача любит упорных, и она мне улыбнулась. Удалось выйти на родственную жену скульптора Власову Екатерину и их сына.

Еще до конца не веря своему счастью, я попросил номер телефона Алексея. Власова сама набирает мобильный Клюкина и спрашивает, можно ли дать его номер одному очень настойчивому полковнику ФСБ. Тот отвечает согласием, и мы договариваемся о встрече. Сын рассказал, что главной удачей и основным итогом своей творческой деятельности отец считал создание памятников разведчику Кузнецovу. Мама, работавшая врачом в областной больнице, однажды принесла домой книгу Дмитрия Медведева «Сильные духом» и предложила мужу почитать, заметив при этом, что главный герой книги фронтовик-разведчик, очень неординарный и мужественный человек. Прочитав книгу «залпом», Клюкин-старший, немало послуживший в воздушно-десантных войсках и знавший цену храбости, энергично поддержал мнение жены и заявил, что такому человеку, Герою, нужно обязательно сделать хороший памятник. Он активно начал собирать материалы о жизни разведчика, делал первые пробы бюста, через тюменских ветеранов ВДВ нашел адрес брата разведчика Виктора Кузнецова и дважды встретился с ним в Талице и Тюмени. В своей мастерской показал Виктору несколько вариантов портрета Героя, из которых тот выбрал один, отметив, что это самый похожий.

Зная, что секретарь Тюменского горкома комсомола Сергей Великопольский много занимается военно-патриотической работой, Клюкин с готовым бюстом Николая Кузнецова

обратился в горком. Великопольский идею поддержал, договорился с городскими властями и руководством сельхозинститута о месте размещения памятника, привлек строителей, и 19 декабря 1967 года монумент Герою был торжественно открыт при большом количестве жителей города, военных и студентов.

23 февраля 1972 года в Талице перед зданием лесотехникума, где учился Николай Кузнецов, состоялось открытие памятника разведчику, где он изображен Клюкиным молодым, романтическим юношей, устремленным в будущее. Немного позднее там же в Талице на привокзальной площади был сооружен еще один памятник, на котором мы видим мужественного воина, Героя Советского Союза Николая Кузнецова.

Увлеченный работой Алексей Клюкин решает создать и памятник в Кудымкаре Пермской области, где работал Кузнецов после окончания техникума. Скульптор дважды побывал на месте, собрал необходимые материалы, договорился с властями города. Однако в третью поездку 29 сентября 1977 года прямо на вокзале станции Тюмень у Клюкина случился сердечный приступ со смертельным исходом.

Ушел Алексей Клюкин рано, в 54 года. Но работы его живут, скульптуры стоят, и к ним всегда будут приходить благодарные потомки, чтобы поклониться великому подвигу Героя-разведчика Николая Кузнецова.

Разведчик Фитин из деревни Ожогино

Удивительно плодородной была обширная Тобольская губерния, на земле которой выросли замечательные учёные, писатели, композиторы, градоначальники. И вот новое открытие – легендарный разведчик, генерал-лейтенант Павел Фитин.

Родился Павел Фитин 28 декабря 1907 года в деревне Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии, ныне Шатровский район Курганской области, в благополучной крестьянской семье. В 1926 году окончил в городе Ялуторовске общеобразовательную школу. По окончании школы работал в местной сельхозартели в селе Шатрово. Активного комсомольца заметило местное руководство и в июне 1928 года он был направлен в город Тюмень на курсы подготовки для поступления в ВУЗ, прошел обучение при Тюменском окружном отделе народного образования. С

этого момента начинается быстрое, я бы сказал, стремительное продвижение Павла Фитина вперед и вверх.

Бессспорно талантливый молодой человек быстро осваивал все, за что он брался. В 1928 году он поступает в Москве на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Учеба давалась легко. Одновременно с этим серьезно увлекся работой в стенгазете. Отличная учеба, интересные статьи в газете и активная жизненная позиция привлекли к нему внимание педагогов. По окончании академии в июле 1932 года Фитин был принят по месту учебы инженером в лабораторию сельхозмашин.

Однако задержаться надолго в лаборатории родной академии ему не пришлось. Непреодолимая тяга к журналистике сделала свое дело. По взаимной договоренности сторон он переходит на работу в редакцию индустриальной литературы всесоюзного издательства «Сельхозгиз» в Москве. Это был период первых пятилеток, и грамотные, подготовленные специалисты были нарасхват. Почти сразу после перевода Фитина назначают заведующим отделом издательства. Но у него призывной возраст, а в Красной Армии он еще не служил и после окончания академии отсрочкой не пользовался. Пришлось на год отправиться в одну из воинских частей Московского военного округа. А после службы в армии его вновь приглашают в «Сельхозгиз», и вскоре он становится заместителем главного редактора.

На популярного журналиста обратили внимание «компетентные органы» и в марте 1938 года по партийному набору молодой коммунист Павел Фитин был направлен на специальные курсы в Школу особого назначения НКВД СССР, готовившую кадры для Внешней разведки. И снова, в который раз учеба, которая не тяготила способного ученика. Он с головой уходит в непростые проблемы абсолютно новой для себя профессии разведчика. В августе 1938 года курсы были успешно окончены, и Павел Фитин получает назначение стажером в отдел внешней разведки Главного Управления госбезопасности НКВД СССР.

Фитин пришел на службу в органы госбезопасности в очень сложное время. Период необоснованных массовых репрессий 1937-1938 годов жестоким катком прошелся по стране. В первую очередь репрессиям подверглись многие руководящие советские и хозяйственные работники, командный состав Красной Армии. Пострадало немало сотрудников и органов НКВД, где к 1939 году

во многих подразделениях ощущался острый кадровый голод.

Высокий интеллектуальный уровень Павла Фитина, его отменные организаторские способности и хороший, несмотря на молодость, жизненный опыт способствовали быстрому продвижению его по служебной лестнице. Вот выписка из его послужного списка:

– август 1938 года – 13 мая 1939 года – оперуполномоченный, затем начальник отделения и заместитель начальника 5 отдела Внешней разведки;

– 13 мая 1939 года – 26 февраля 1941 года – начальник 5 отдела Внешней разведки;

– 26 февраля 1941 года – 15 июня 1946 года – начальник Первого Управления НКГБ СССР.

Назначение Павла Михайловича 26.02.1941 года начальником 1 Управления НКГБ означало, что вся внешняя разведка страны перешла в его ведение. Международная обстановка в это время быстро менялась и не в лучшую для СССР сторону. Заметно сгущались тучи в Европе и на Дальнем Востоке в связи с явным стремлением Германии и Японии к новому переделу мира. Перед Внешней разведкой в этих условиях стояли сложные задачи по выявлению истинных планов и намерений фашистской Германии и милитаристской Японии.

Разведчики Павла Фитина в Европе, США и на Дальнем Востоке работали, не покладая рук. Фитин почти не покидал свой кабинет. До войны оставалось меньше четырех месяцев. Поток тревожных сообщений из различных точек земного шара нарастал. Политическое руководство страны постоянно получало всю необходимую информацию. Внешняя разведка достойно выполняла свой нелегкий долг перед Отечеством. Если в начале 1941 года еще существовали какие-то сомнения в отношении агрессивных планов Гитлера, то к весне у руководства Первого Управления сложилось твердое убеждение в неизбежности войны уже в этом году.

Павел Фитин только с января по 21 июня 1941 года представил Сталину более сотни разведывательных донесений, из которых следовало, что Германия активно готовится к нападению на СССР, война практически уже стоит у порога нашего дома. Назывались даже дата и время вторжения в СССР. Все говорило за то, что надо принимать самые срочные, безотлагательные меры для подготовки к отражению агрессии.

Но Сталин медлил, он ошибочно считал, что начало войны можно оттянуть до следующего года, и в этом трагическом заблуждении его поддерживали некоторые «придворные» льстецы, в том числе и Берия, стремившийся любой ценой угодить хозяину.

В этой ситуации Фитин оказался практически один против Кремля и против Берии. Нужно было проявлять поистине высочайшее гражданское мужество и верность присяге, чтобы, рискуя жизнью, продолжать докладывать руководству страны неприятную, но достоверную информацию. Обстановка была предельно опасной для Павла Фитина, ему грозила расправа со стороны всесильного Берии, который уже искал предлог, чтобы убрать непокорного начальника разведки. И только разразившаяся 22 июня 1941 года война спасла генерала Фитина от возможного расстрела.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз поставило перед Внешней разведкой необходимость реорганизации и усиления по всем направлениям. Это выявление планов фашистской Германии и ее союзников, организация разведывательно-диверсионных операций, научно-техническая разведка. Для выполнения указанных задач решением Правительства страны были усилены все подразделения 1-го Управления НКВД под руководством Фитина. Было создано 4-е Управление НКВД для организации партизанского движения на оккупированной территории СССР с целью зафронтовой разведки и проведения диверсий в тылу врага. Его возглавил генерал-лейтенант Павел Судоплатов.

Война стала серьезным испытанием для Внешней разведки. В сложных условиях военного времени, рискуя жизнью, разведчики добывали важную информацию. Все трудные военные годы разведка делала все от не зависящее, чтобы обеспечить руководство страны и Государственный Комитет Обороны своевременной и точной информацией о замыслах германского командования и его союзников. Вот лишь некоторые факты. В 1943 году от агента лондонской резидентуры «Бланта» был получен план большого германского наступления под Курском, одновременно такая же информация поступила от разведчика Николая Кузнецова из Ровно. Это позволило советскому командованию подготовить и провести мощное контрнаступление, положившее начало полному разгрому фашистских войск.

Сложными, но весьма важными для хода всей военной кампании, были проблемы открытия второго фронта в Европе и возможность нападения Японии на Советский Союз. Внешняя разведка вовремя получила весьма ценные материалы от своего агента «Рамзая» – Рихарда Зорге – из Токио о том, что Япония не выступит против СССР. И сильные, хорошо укомплектованные дальневосточные дивизии были немедленно переброшены на Западный фронт.

Разведчики Фитина в Европе своевременно вышли на след шефа ЦРУ США Аллена Даллеса, организовавшего за спиной СССР сепаратные переговоры с гитлеровцами в Швейцарии. Сталин регулярно получал полную информацию об этих переговорах. Принятыми советским руководством мерами, преследуемые сепаратистами цели были сорваны.

Большой вклад внес Павел Фитин в вопрос создания Советским Союзом ядерного оружия. В сентябре 1941 года агент лондонской резидентуры Д. Маклейн сообщил о том, что в Англии и США ведутся работы по изготовлению атомной бомбы. В июле 1943 года Государственный Комитет Обороны СССР принял решение возложить на Внешнюю разведку получение на регулярной основе полной информации по атомной проблеме.

В результате кропотливой и целеустремленной работы советских резидентур в США и Англии, благодаря героическим усилиям наших зарубежных источников, к концу 1945 года была добыта необходимая документация, позволившая нашей стране в короткий срок создать собственное ядерное оружие и положить конец монополии США в этом огромной важности стратегическом вопросе. При этом наша страна сумела сэкономить немалые деньги, в которых остро нуждалась разоренная войной экономика Советского Союза.

После окончания войны злопамятный шеф НКВД Берия все-таки решил рассчитаться с непрогнувшимся перед ним генерал-лейтенантом Внешней разведки. На физическую расправу с Фитиным он не осмелился, хорошо понимая, что Сталин помнит о большом вкладе Внешней разведки и лично Павла Фитина в Победу над врагом. В конце июня 1946 года по личному распоряжению Берии Фитин был освобожден от занимаемой должности и переведен на неопределенное время в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. До конца года его держали в «подвешенном» состоянии. Трусливый перед

Верховным Главнокомандующим Берия выжидал. Время было тревожное, все молчали и в декабре 1946 года Фитина с большим понижением назначают уполномоченным МГБ в Восточном секторе Германии, где он работает под руководством маршала Жукова Г. К.

Однако в апреле 1947 года вскоре после отставки Жукова Фитина вновь понижают в должности без видимых на то причин и переводят в Свердловск заместителем начальника Управления госбезопасности, а затем еще дальше – в Алма-Ату министром госбезопасности Казахской ССР. В 1953 году по указанию Берии его увольняют из органов безопасности «по неполному служебному соответствию» и без военной пенсии, так как генерал-лейтенант Фитин еще не имел необходимой выслуги лет. Но и этот коварный удар не сломил волю генерала Фитина. Он не опустил руки и продолжал занимать активную жизненную позицию. Сначала он работает Главным контролером в Министерстве госконтроля СССР, а затем – в Комиссии контроля Совета Министров.

В последние годы с 1959 года по 1963 год Павел Михайлович трудился директором в Союзе советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Тяжелые годы работы в военное время, трудные испытания, выпавшие на его долю в послевоенный период подорвали здоровье разведчика и 24 декабря 1971 года Фитина Павла не стало. Похоронен он на Введенском кладбище в Москве.

За заслуги перед Отечеством генерал-лейтенант Фитин П. М. награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, шестью медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД СССР» и Орденом Республики Тыва.

В 2008 году в родном селе Павла Фитина Ожогино благодарные земляки в память о нем установили мемориальную доску.

28 декабря 2012 года исполнилось 105 лет со дня рождения знаменитого земляка, разведчика, генерала Павла Фитина, сыгравшего огромную роль в становлении Внешней разведки Советского Союза, которая под его руководством внесла неоценимый вклад в Победу над фашистской Германией.

11 октября 2012 года, не дожидаясь декабрьских морозов, в селе Ожогино встретились делегации Советов ветеранов чекистов Тюменской, Курганской и Челябинской областей, чтобы вместе с жителями села отдать дань памяти выдающемуся разведчику Фитину Павлу Михайловичу.

Внешняя разведка и атомная бомба

В 1917 году молодому советскому государству для обеспечения своих жизненных интересов надо было иметь достоверную и регулярно поступающую информацию о политике и планах в первую очередь сопредельных государств. По дипломатическим каналам многоного не получишь, поэтому и в составе ВЧК, и в Красной Армии стали создавать подразделения разведки.

Главными задачами разведки были борьба с внутренней и внешней контрреволюцией, проникновение в зарубежные антисоветские организации, выявление замыслов белоэмигрантских лидеров. Для их решения использовались как штатные сотрудники разведки, так и привлекаемые к сотрудничеству агенты. Так, издатель газеты «Деньги» А. Филиппов, доброжелательно относившийся к новой власти и имевший обширные связи среди русских промышленников, неоднократно выезжал по заданию разведки за границу, где сумел получить весьма ценную информацию.

При каждой дипломатической или торговой миссии России за рубежом стали создавать резидентуры ВЧК. Резидент работал под «легальным» прикрытием, и его как разведчика знал только глава миссии. В помощь ему придавались 1-2 оперработника.

20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК. Этую дату и принято считать днем рождения Внешней разведки.

После завершения гражданской войны функции ВЧК и Внешней разведки постепенно изменялись. 23 января 1922 года было принято решение об упразднении ВЧК и создании на ее базе Государственного Политического Управления (ГПУ). В декабре этого же года в результате образования Советского Союза, ГПУ было преобразовано в Объединенное Госполитуправление (ОГПУ). Закордонная разведка ОГПУ сумела внедриться практически во все основные белоэмигрантские формирования. Чекисты подготовили и провели блестящую операцию «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту главаря белоэмигрантов Бориса Савинкова и операцию «Трест» в отношении английского агента Сиднея Рейли. Эти и другие акции Внешней разведки нанесли серьезный удар по антисоветским зарубежным формированиям, как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

В 1933 году в Германии установилась фашистская диктатура. Гитлер не скрывал своих планов нападения на СССР. В 1936 году Германия и милитаристская Япония подписали «антикоминтерновский» пакт, через год к нему присоединилась фашистская Италия.

Правительства США, Англии и Франции, несмотря на очевидную военную угрозу, проводили политику умиротворения агрессора, надеясь направить Гитлера на СССР и избежать столкновения с Германией и Японией.

Серьезное обострение международной обстановки потребовало перестройки работы Внешней разведки, которой в новых сложных условиях надо было добывать информацию о военно-политических планах противника.

Важная роль в оперативном получении информации о планах Германии и Японии принадлежала выдающемуся нашему земляку, уроженцу села Ожогино Ялуторовского уезда Павлу Фитину, назначенному начальником Внешней Разведки СССР 26 февраля 1941 года. Рихард Зорге из Японии, ряд ценных разведчиков из Европы регулярно направляли в Центр тревожную информацию. Фитин постоянно докладывал Верховному Главнокомандующему ценную и проверенную информацию о готовящемся нападении на СССР, которая требовала срочных мер по укреплению обороны страны и подготовке Красной Армии к встрече врага. Однако Сталин продолжал выжидать.

22 июня 1941 года фашистские полчища вторглись в пределы СССР. Свершилось то, о чем Внешняя разведка не раз информировала лично Сталина. Началась Великая Отечественная война, которая полностью перестроила все планы руководства страны, армии и разведки.

18 июля 1941 года ЦК ВКПб принимает Постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В целом задачи Внешней разведки усложняются. Это военно-политические планы Германии и ее союзников, планы и намерения США и Англии, это экономическая и новое направление – техническая разведка.

В значительной степени война между государствами и армиями стала активной борьбой между разведками воюющих сторон.

Советские разведчики сумели добыть полные данные о планах немецкого командования под Сталинградом и на Курской

дуге, о заговоре против глав правительства антигитлеровской коалиции в Тегеране, о сепаратных переговорах президента США Аллена Даллеса с нацистами в Швейцарии, о сроках открытия второго фронта. Это был очень важный вклад в общее дело Победы.

Война закончилась, но война разведок продолжалась. 16 июля 1945 года в обстановке строгой секретности США провели испытания атомной бомбы. А 17 июля в Потсдаме открылась конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, которые пока еще были союзниками. По рекомендации премьера Англии Черчилля президент США Трумен сообщил Сталину о создании его страной атомного оружия. Трумен чувствовал себя властелином мира и хотел проверить реакцию Сталина и оказать на него давление в ходе переговоров по Германии. Но Сталин реагировал весьма сдержанно, попытки сделать его на переговорах более уступчивым успеха не имели. Дело в том, что наша Внешняя разведка еще в 1941 году получила первую информацию о начале работ по созданию атомного оружия. Stalin поблагодарил Трумена за сообщение, а сразу после заседания позвонил в Москву Игорю Курчатову и дал указания ускорить работы по созданию атомной бомбы.

Внешняя разведка СССР и ее руководитель Павел Фитин не приписывают себе главной роли в создании атомного оружия, как считают некоторые авторы. Но их первая и очень важная заслуга состоит в том, что они своевременно привлекли внимание руководства страны к этой проблеме и затем постоянно держали его в курсе событий. Над созданием атомной бомбы в СССР работали лучшие ученые, а Внешняя разведка регулярно поставляла им добывшие материалы. Так, начиная с 1943 года и до испытания американцами атомной бомбы в июле 1945 года, Внешняя разведка получила несколько тысяч листов секретной информации. Ведущий ученый-атомщик Игорь Курчатов давал высокую оценку этим документам. 25 декабря 1944 он пишет: «Очень богатый и в разных отношениях поучительный материал. Он содержит важные указания». В марте 1945 года он отмечал: «Материалы представляют большой интерес. В них указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались». Академики А. Александров и Ю. Харiton, работавшие с Курчатовым, были еще откровеннее.

Они признавали, что благодаря информации Внешней разведки Курчатов не сделал больших ошибок, что нам удалось избежать тупиковых направлений и создать атомную бомбу в более короткие сроки, всего за три года, тогда как США потратили на это 4 года и 5 миллиардов долларов.

А информацию эту добывали умные, мужественные люди, которые работали и в США, и в Европе. Когда-нибудь все их имена будут названы, об их подвигах будут написаны книги. Возглавлял их работу наш земляк, талантливый разведчик Павел Михайлович Фитин.

В декабре 1991 года в Беловежской пуще было объявлено о распуске Советского Союза. Началась новая полоса в истории России. Стране, кроме всего остального, надо было переосмыслить и разведывательную доктрину. Ведь сама разведка не определяет свои задачи, они формулируются руководством страны, исходя из своих национальных интересов.

Указом Президента от 18.12.1991 года Первое Главное Управление КГБ (Внешняя разведка) было выделено из Комитета госбезопасности и преобразовано в самостоятельную Службу Внешней Разведки (СВР). Впервые в практике спецслужб было создано Бюро по связям с общественностью.

Если в период конфронтации между Западом и Востоком внешняя разведка велась практически во всех странах мира, то в настоящее время СВР действует только в тех регионах, где присутствуют подлинные интересы России. Более того, происходит переход от конфронтации со спецслужбами разных стран к взаимодействию и сотрудничеству в тех областях, где их интересы совпадают. Это борьба с международным терроризмом, контрабандой наркотиков, распространением оружия массового поражения и решение других проблем.

Так, 4 апреля 1993 года в Алма-Ате руководители разведок стран СНГ подписали соглашение о сотрудничестве в области внешней разведки и договорились обмениваться разведывательной информацией по взаимоважным вопросам.

В настоящее время рано говорить о конкретных операциях Службы Внешней Разведки в новой России, время не пришло. Но одно можно сказать уверенно, что СВР сумела преодолеть все трудности переходного периода и успешно решает поставленные перед ней задачи.

Разведка и Курское сражение

Один из военных историков заявил однажды, что Великая Отечественная война была во многом противоборством двух разведок, советской и германской. И наша разведка в этой борьбе побеждала чаще.

Молниеносная война, развязанная гитлеровским фашизмом против Советского Союза 22 июня 1941 года, и парад победивших германских войск на Красной площади в Москве не состоялись. Более того, немцы потерпели зимой 1941 года под Москвой первое чувствительное поражение и вынуждены были отступить от нашей столицы.

Не принес весомых победных результатов немецкому командованию ни 1942 год, ни начало 1943 года. В среде немецких офицеров постепенно зрело недовольство бездарными действиями фюрера и его приближенных. Против Гитлера собственными офицерами и генералами было организовано и проведено несколько неудавшихся покушений. В такой сложной ситуации германскому верховному командованию была крайне необходима серьезная операция, которая позволила бы переломить ход военных действий на Восточном фронте и взять в свои руки стратегическую инициативу. Так, в апреле 1943 года в недрах фашистского рейха родился план операции «Цитадель», а гитлеровские спецслужбы получили строгое указание обеспечить секретность подготовки и проведения всех связанных с этим мероприятий.

Объективности ради надо признать, что с самого начала полное обеспечение секретности такой масштабной военной операции было трудно осуществимо. К разработке военно-стратегической и тактической составляющей операции «Цитадель» было привлечено большое количество специалистов. Исполнителям подготовить и доставить скрытно, в нужное место и к определенному сроку свыше 900 тысяч участников личного состава, около 3000 танков, 10000 орудий и более 3000 самолетов было практически невозможно. Ну, и самое главное, противостояла этому плану опытная и сильная советская разведка.

По одной из версий, 12 апреля 1943 года Иосифу Сталину был доложен полный текст еще не подписанный Гитлером директивы № 6 «О плане операции «Цитадель», фактически она была

подписана через три дня 15.04.1943 года. Этот план был получен разведчиком, выступавшим под псевдонимом «Вертер» и, якобы, являвшимся сотрудником верховного командования Германии. Однако подлинное имя этого человека остается неизвестным до сих пор. Первоначальный срок наступления Гитлером трижды переносился.

А теперь обратимся к фактам, творцами и свидетелями которых были действовавшие тогда чекисты в Москве и в тылу противника. Следует подчеркнуть, что источники – более чем авторитетные: Герой Советского Союза, Почетный чекист, командир партизанского отряда «Победители» полковник госбезопасности Дмитрий Медведев, легендарный разведчик Николай Кузнецов. Вместе они готовили планы разведывательных и боевых операций, и результаты практически по каждой из них разведчик докладывал командиру отряда. Это друг и боевой соратник Николая Кузнецова член Союза журналистов Украины и Союза журналистов России, полковник КГБ УССР Николай Струтинский, принимавший личное участие почти во всех опасных операциях Кузнецова. Это историк разведки, работавший с закрытыми архивами КГБ-ФСБ, лауреат литературных премий КГБ СССР и Службы Внешней Разведки, известный писатель Теодор Гладков. Из их материалов и многих других складывается следующая картина. В конце апреля – начале мая 1943 года разведчик Николай Кузнецов получил первые данные о подготовке Гитлером крупного наступления на Восточном фронте. Среди немецких офицеров в Ровно настойчиво обсуждалась тема летнего наступления Вермахта на Востоке. Пауль Зиберт не раз был участником этих дискуссий. Большинство офицеров, и в первую очередь тех, кто уже повоевал, сходились на том, что наступление произойдет на Курском выступе, но никто не мог сказать, когда именно это случится.

Вскоре офицерским версиям отряд Медведева получил материальное подтверждение. Через Ровно, Здолбунов и другие железнодорожные станции в направлении Курска и Орла потянулись целые германские эшелоны с войсками и техникой. Среди обилия боевой техники было много новых танков типа «Тигр» и «Пантера». Наблюдатель со станции Здолбунов сообщил Николаю Кузнецову, что ночью там появился эшелон с танками, укрытыми брезентом. Удалось проверить и установить, что под брезентом немцы скрывают танки непривычного желтого цвета.

А утром следующего дня Кузнецов в привокзальном ресторане сумел пообщаться с офицерами-танкистами, имевшими необычно сильный загар. Опытный разведчик без труда установил, что немцы перебрасывают на Восточный фронт танковую дивизию из Северной Африки.

20 мая 1943 года Пауль Зиберт знакомится сдрессировщиком собак гауляйтера Украины Эриха Коха оберефрейтером Шмидтом, через которого выходит на адъютанта гауптмана Бабаха. В беседе с последним, как бы между прочим, он заметил, что является уроженцем Восточной Пруссии и в армию был призван в Кенигсберге. Бабах, конечно же, запомнил, что оберлейтенант – земляк его шефа, и когда нужно было, проинформировал об этом своего хозяина.

25 мая 1943 года Эрих Кох самолетом прибыл из Берлина в свою резиденцию в Ровно. Пауль Зиберт, используя свои неплохие актерские способности, знание психологии немцев и умение входить в доверие к людям, сумел в короткий срок через Шмидта и Бабаха добиться аудиенции у могущественного и жестокого наместника фюрера на Украине Эриха Коха.

31 мая Зиберт уже был у него в кабинете. Поначалу генерал Кох встретил оберлейтенанта сурово и учинил ему настоящий допрос. Но Пауль Зиберт точными ответами, спокойными и взвешенными оценками, самообладанием и достоинством офицера-фронтовика перевел беседу в спокойное русло. В конце разговора, продолжавшегося более получаса, Кох неожиданно спросил: «Где Ваша воинская часть?». Получив ответ, что в районе Курска, Кох настоятельно посоветовал Зибера быстрее возвращаться в свою часть, пояснив, что там скоро будет очень жарко, и что фюрер готовит Советам мощным удар. Это была важнейшая для советской разведки информация, и Коху надо было верить, ведь он только что вернулся из Берлина, где вращался в самых высоких кругах и получал сведения из первых рук. И говорил он об этом как о деле уже решенном и даже спросил у Зибера о том, а как немецкие солдаты и офицеры относятся к готовящемуся наступлению на Восточном фронте.

Понятно, что бесценная информация, полученная Николаем Кузнецовым и подкрепленная собранными многочисленными фактами о массовом перемещении немецких войск в сторону Курска и Орла, была немедленно передана в Центр и доложена в Ставку Верховного Главнокомандования СССР. Вот как написал

об этом после войны генерал Павел Судоплатов, возглавлявший тогда Управление НКВД по зафронтовой разведке: «По заданию ставки информация Кузнецова о подготовке немцами стратегической наступательной операции была перепроверена и подтверждена посланными нами в оккупированный Орел разведчиками Алексахиным и Воробьевым».

Примечательно, что буквально через несколько дней после визита Николая Кузнецова к Эриху Коху, другой наш тюменский земляк, выдающийся разведчик, генерал Павел Фитин, возглавлявший Службу Внешней Разведки СССР все годы войны, получил в начале июня 1943 года от своего агента «Бланта» из Лондона план крупной наступательной операции немцев под Курском. И это сообщение тоже ушло в Ставку. Бессспорно, что для доработки деталей общего плана наступила очередь предметно потрудиться военным разведчикам Центрального, Воронежского и Степного фронтов, державших оборону Курского выступа.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих воспоминаниях о роли разведки в районе Курской дуги написал так: «Как ни старался враг держать в тайне планы своего наступления, нашей разведке удалось определить не только направление ударов, состав ударных группировок, но и установить время начала фашистского наступления».

Советское Верховное Главнокомандование, опираясь на данные разведки, сумело своевременно усилить оборону на Курском направлении, создать превосходство в войсках, танках, самолетах и орудиях. 5 июля 1943 года наши войска нанесли противнику мощный упреждающий удар. Невиданное в военной истории сражение длилось 49 дней и ночей.

В это же время сотрудник британских спецслужб Ким Филби, работавший на советскую разведку, перехватил в Лондоне донесение Вермахта о том, что решающий удар немцами будет нанесен в районе Прохоровки. Наше командование срочно перебросило туда танковую армию генерала Ротмистрова и 12 июля, опередив немцев буквально на 2 часа, после мощной артподготовки и авиационного удара наши войска начали стремительную танковую атаку. Жестокое сражение с огромными потерями с обеих сторон длилось 14 часов, переходя на отдельных участках в рукопашные схватки. Но мы вырвали свою Победу!

Авторитетный немецкий генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн позднее признал: «Провал «Цитадели» можно приписать ряду причин, причем из существенных явилось отсутствие момента внезапности». Значит, наша разведка сработала хорошо!

Советские войска с поля битвы под Прохоровкой пошли вперед на Запад. Уже в августе 1943 года были освобождены Орел и Харьков. А в апреле 1944 года наши войска достигли государственной границы Советского Союза, освободив территорию страны от фашистских оккупантов.

Тюменские чекисты, война и СМЕРШ

20 декабря 2012 года исполнилось 95 лет со дня создания органов ВЧК-КГБ-ФСБ. Мы поздравили тюменских чекистов с этим юбилеем, ветеранам пожелали здоровья и благополучия, боевым, действующим офицерам – успехов в обеспечении государственной безопасности на территории области и в стране. Здесь надо рассказать об истории тюменских чекистов и их работе в годы войны.

Установление советской власти за Уралом началось с декабря 1917 года. Одновременно с этим в Екатеринбурге, Омске и Томске появились Чрезвычайные Комиссии. Однако в условиях сложной обстановки гражданской войны процесс структурного оформления ЧК на этих территориях растянулся на два года.

Тюменская губернская Чрезвычайная Комиссия была образована 15 сентября 1919 года на основе революционных органов власти, действовавших на территории Тобольской губернии с весны 1918 года. В последующие годы после неоднократных преобразований в составе Омской области полноправное, самостоятельное Управление госбезопасности в Тюменской области было образовано приказом НКГБ СССР от 19 августа 1944 года вместе с Декретом о создании Тюменской области. В его состав вошли Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский окружные отделы НКГБ, Ишимский горотдел НКГБ, 20 районных отделов и отделений Управления НКГБ по Омской области и 4 райотдела Управления НКГБ по Курганской области.

Нынешнее наименование – Региональное Управление ФСБ

Российской Федерации по Тюменской области – мы получили в соответствии с Федеральным законом от 3 апреля 1995 года, а наши северные округа по-прежнему работают в составе Тюменского областного управления. ФСБ – единственная структура, которая сохранила свою целостность на территории всех трех субъектов Российской Федерации.

С началом Великой Отечественной войны 1941-1945 годов решением Политбюро ЦК ВКПб и Советского Правительства в конце лета 1941 года на Урал и в Сибирь были полностью или частично переведены руководящий и административный состав Народных Комиссариатов вооружения, связи, среднего (оборонного) машиностроения вместе с основными заводами. Государственные запасы золота и драгоценных камней, Алмазный фонд и ценности Оружейной палаты Кремля были вывезены в Свердловск и Челябинск. Тело В. И. Ленина из Мавзолея было перевезено железнодорожным вагоном в Тюмень и сохранялось в здании нынешней сельхозакадемии на улице Республики.

Территориальные органы госбезопасности урало-сибирской зоны, в том числе и тюменские чекисты, перешли на военный режим служебной деятельности. В их функции входило выявление и ликвидация разведывательно-диверсионных акций противника, ограждение военных и промышленных объектов, железнодорожного транспорта и линий связи от подрывных действий шпионов, диверсантов и других враждебных элементов. Чекисты обеспечивали сохранность государственной и военной тайны, боролись с антисоветской пропагандой, пресекали распространение враждебных листовок и негативных слухов, с помощью партийных и советских органов принимали меры по устранению причин срывов выполнения заданий по выпуску оборонной продукции. С конца августа 1941 года с учетом возросшего количества аварий и взрывов в стране НКВД СССР издал ряд приказов по организации противодиверсионной работы на объектах оборонных отраслей промышленности.

Весьма негативными факторами, угрожавшими социально-политической стабильности советского тыла, стали дезертирство военнослужащих и уклонение граждан от воинской службы, убийства и грабежи, хищения государственной и личной собственности. Все

это способствовало распространению пораженческих и террористических настроений. Имели место подобные факты и в нашем крае. Однако настойчивая, последовательная и целеустремленная работа контрразведчиков, внедренная ими система оперативно-розыскных мероприятий, постоянное формирование в обществе атмосферы всеобщей бдительности заметно сократили возможности подрывной деятельности противника и враждебных элементов в советском тылу. Это позволило удержать в позитивном русле процессы экономической и политической жизни страны в экстремальных условиях военного времени.

Война практически для всех началась внезапно. Кого-то сразу призывали в действующую армию, кто-то прошел краткосрочные курсы «Выстрел», а кое-кому повезло окончить училище, получить звание офицера и потом уже уйти на передовую.

Тысячи тюменцев сражались на всех фронтах Великой Отечественной, многие из них погибли, защищая родную землю. Именно кто-то из сибиряков сказал в тот очень трудный для страны момент, когда немцы уже подходили к Москве: «А за Урал немца мы ни за что не пустим».

Многие, уцелевшие в этой неимоверно суровой и кровопролитной войне, возвратившись в Тюмень, пришли в разные годы в Тюменское управление госбезопасности. В общей сложности 84 сотрудника в различных званиях от прaporщика до полковника служили почти во всех горрайаппаратах и в областном управлении НКВД. Управление было создано недавно и, конечно же, нуждалось в опытных кадрах. И это были лучшие во всех отношениях образцовые чекисты, имевшие бесценный опыт фронтовой и зафронтовой работы.

Я пришел в Управление в январе 1962 года, и мне посчастливилось со многими из них работать рядом. Не знаю, это какое-то совпадение или счастливый случай, но на оперативной работе, на передовых рубежах контрразведки стояли офицеры, прошедшие по дорогам войны в подразделениях «СМЕРШ». Всех перечислить невозможно, но своих учителей, непосредственных руководителей, а также тех, с кем бок о бок приходилось решать непростые оперативные задачи, не назвать никак нельзя.

Подполковник Петр Александрович Бабкин, 1919 года рождения, общий стаж в органах госбезопасности более 30 лет, всю войну прослужил в особых отделах «СМЕРШ» Западного и Калининского фронтов, награжден многими боевыми орденами и медалями.

Полковник Чернецов Анатолий Борисович, 1925 года рождения. Войну начинал командиром взвода охраны отдела контрразведки «СМЕРШ» в 38 гвардейской воздушно-десантной дивизии, затем был переведен на оперативную работу, а с 1948 по 1976 год работал в Тюменском управлении госбезопасности, где прошел путь от оперуполномоченного до начальника отдела. Орден Славы, Орден Отечественной войны и многочисленные медали украшали его грудь.

Майор Иван Кузькин, 1922 года рождения. В начале войны окончил годичные курсы «СМЕРШ», работал оперуполномоченным в различных частях Красной Армии. После окончания войны с 1947 по 1953 год находился в служебной командировке в Литве, принимал непосредственное участие в борьбе с националистами и бандподпольем, затем до 1979 года служил в Тюменском управлении. Награжден двумя орденами и многочисленными медалями.

Подробнее хочу рассказать про подполковника Хоботова Валентина, 1921 года рождения, так как именно его, бывшего фронтовика и смершевца, отдел кадров приставил к нашей группе молодых чекистов в 1962 году. Уже его-то мы на занятиях порасспрашивали обо всем, даже о том, как нашел на фронте свою любовь – медсестру, красавицу Халису и как женился на ней, не дожидаясь Победы.

Хоботов в 1941 году успел окончить Пензенское артиллерийское училище и ждал приказа об отправке на фронт. Но его, как одного из лучших курсантов, пригласили в особый отдел училища и предложили работу в контрразведке. Отказать не мог. На переучивание дали всего один месяц и сразу на передовую. Младшего лейтенанта Хоботова назначили оперуполномоченным особого отдела НКВД в 67 стрелковый корпус Белорусского фронта. С боями, вместе с армией он прошел все круги ада 1941 года. Все было в непростой судьбе чекиста: и отступления, и окружения, и прорыв к своим. Затем – новое назначение в отдел контрразведки «СМЕРШ» 61 армии Белорусского фронта, с которой он освобождал Белоруссию,

Польшу и прошагал по германской земле. А в Тюмень он добрался вместе с любимой женой только в конце 1946 года и сразу был принят на работу в областное Управление госбезопасности.

Валентин Николаевич отличался острым умом, находчивостью, постоянным оптимизмом и юмором, учил нас, молодых, творчески относиться к оперативной работе, приводил яркие примеры из своей боевой практики. Так, в трудный для Красной Армии период 1941 – 1942 годов немцы на передовой линии в минуты затишья через громкоговорители кричали на русском языке о нашем неизбежном поражении и призывали советских солдат переходить на их сторону. Самолеты сбрасывали на наши позиции листовки такого же содержания. И находились малодушные люди, которые в вечернее время, прикрепив к штыку винтовки белый флаг, короткими перебежками уходили к немцам. Беседы и политинформации с военнослужащими результата не давали.

И тогда наши контрразведчики придумали и провели такой маневр. Нашли двух смельчаков из солдат, дали им по автомату и связке гранат, попросили вечером с белыми флагами имитировать переход на сторону врага. А когда до немецких окопов останется немного, встать в полный рост и бежать в сторону фашистов. Так и сделали. Немцы заметили перебежчиков, да еще сразу двоих, повысовывались из окопов и, радостно махая руками, приветствовали их. Наши герои, не добежав метров 10-15 до вражеского окопа, в упор стали расстреливать немцев из автоматов, а потом забросали гранатами, развернулись и стремительно рванули назад. Заранее подготовленные оперативниками пулеметы слева и справа, чтобы не зацепить своих, стали поливать фланговым огнем немецкие окопы, не давая фашистам поднять головы.

Герои получили заслуженные награды, а тем, кто спрашивал про стрельбу, пояснили, что это была стычка разведчиков при возвращении из-за линии фронта. Но когда следующие перебежчики попытались уйти к немцам, те уничтожили их, не подпуская к окопам. Больше попыток перейти на сторону врага не отмечалось.

А что касается борьбы с агентурой Абвера, шпионами и диверсантами, Хоботов очень взвешенно, толково рассказал, что Абвер был на тот момент одной из лучших спецслужб

мира. Но мы оказались сильнее. «СМЕРШ» переиграл Абвера. У немцев не было хорошей социальной базы для вербовки своих агентов, для этого фашисты использовали, в основном, военнопленных, перебежчиков и даже уголовный элемент. Советским контрразведчикам добровольно помогали солдаты и офицеры воинских частей, местное патриотически настроенное население. Наши люди сражались за свою землю, за Родину, за Победу.

В общей сложности в «СМЕРШЕ» служили всего несколько тысяч оперработников, примерно один чекист на тысячу бойцов. Но за все годы войны наша военная контрразведка обезвредила более 30 тысяч шпионов, около 3500 диверсантов и свыше 6000 террористов. Трудно представить себе степень возможного ущерба для частей Красной Армии и для страны в целом, если бы все запланированные фашистами диверсии и теракты были приведены в исполнение, если бы все заброшенные к нам агенты смогли собирать и передавать информацию в шпионские центры противника. Этого не случилось и не могло случиться, потому что нашествию фашистов противостоял весь наш народ, вся страна. Вот потому Победа и пришла на нашу улицу.

Заканчивая рассказы о тюменских чекистах, надо сказать, что сегодня в ветеранском строю осталось всего четыре человека, участника Великой Отечественной войны. Это Быков Дмитрий Павлович, Ярославцев Иван Федорович, Лушпай Николай Федорович и Владыкин Александр Семенович, каждому из них уже почти девяносто лет.

Но рядом, в действующих порядках, стоят молодые, крепкие, преданные делу майоры и лейтенанты, надежно защищающие рубежи Отечества на тюменской земле.

Ветеранам войны

Наша слава и гордость,
Честь и совесть страны,
Наша нежность и твердость –
Ветераны войны.

Вашим подвигам ратным
Нет на свете цены.
Славлю крепкое братство
Ветеранов войны.

Годы пусть прибавляют
На висках седины,
Жизнь по вам мы сверяem,
Ветераны войны.

Не уроним мы знамя
Той победной весны.
И навечно вы с нами,
Ветераны войны.

Николай Зензин



Журналист Шибанов С. А. (слева), г. Мурманск,
написал книгу о Валентине Догнер
и Зензин Н. В., автор книги о Николае Кузнецова



Встреча в Таллице. Слева направо: Лидия Брюханова (сестра разведчика Н. Кузнецова), Валентина Довгер, Александра Старовойтова, скульптор Алексей Клюкин, Виктор Кузнецов (брать разведчика), Виктор Кочетков



Адрев И. В. в день своего 80-летия среди товарищей по оружию



*Сотрудник СМЕРШ Хоботов В. Н.
с супругой Халисой, участницей войны, медсестрой*



Поликарп Прокопьев и Терентий Мальцев, Заслуженный агроном. 1968 год



Курганские и тюменские ветераны-чекисты
у памятной доски разведчику Фитину П. Н. с. Ожогино





Николай Кузнецов



Фитин Павел Михайлович



Стратегический ракетоносец ТУ-160 «Николай Кузнецов»



Правила жизни Николая Зензина, полковника ФСБ

В судьбу можно верить или не верить. Если она что-то преподносит, к этому нужно, как учили древние греки, относиться спокойно как к неизбежному. Но самое главное – при любых поворотах сохранять лицо и душу, противостоять любым ударам судьбы.

Сегодня у меня есть практически все: где и на что жить, на чем ездить и где отдыхать. Выросли дети и внуки. А вот начиналось все не просто. Родился в селе Солдатском Омской области в зажиточной крестьянской семье. Дедушка имел несколько лошадей и коров, большой дом, в котором проживал с единственным сыном Василием и его женой Евгенией (моими родителями). Вскоре в селе стали создавать колхоз. Моего деда Павла Зензина объявили кулаком, скот и имущество передали колхозу, а его самого сослали в село Кондинское Ханты-Мансийского округа. Отец с чемоданом, мама с грудным младенцем на руках пошли искать жилье и работу.

Отец был в своего родителя – грамотный, несгибающийся трудоголик. Нашел работу, построил дом, в котором к лету 1941-го жили уже два сына 8-и и 6-и лет, дочь 4-х лет, счастливая и дружная семья.

Все разрушилось в один день. 22 июня началась война. Отец ушел на фронт в числе первых, а в мае 1943 пришла похоронка. Папа погиб в боях под Псковом.

Я рано повзрослел. Мама долго плакала, ведь было ей всего-то 29. Потом я принес ведро воды из колодца, она умылась, попила, умыла нас и усадила за стол. Спокойно объяснила: «Папки больше нет. Тебе, Николай, уже 10 лет, теперь ты отвечаешь за дрова, сено, уход за скотом, ремонт и порядок в доме. Брат Володя и сестра Аня тебе помогают».

Я мечтал стать писателем. В школе знал наизусть «Евгения Онегина», «Василия Теркина», написал поэму об учительнице литературы, в которую тайно был влюблен. Ей стихи не показал, запечатал в конверт и отправил председателю Союза писателей СССР Александру Твардовскому. К моей великой радости он ответил. Всего несколько строчек: «В ваших стихах что-то есть, но чтобы стать поэтом, нужно очень много учиться. С пожеланиями успехов, Александр Твардовский». Окрыленный, твердо решил поступать в Литературный институт. Мама спустила с небес на землю, сказав, что в Москве мне просто не на что будет жить. Пошел в инженеры-железнодорожники, потому что там давали форму и обеспечивали питанием. А паровоз впервые увидел, когда поехал поступать в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. До сих пор помню, как машинист, увидевший, как мы с другом, деревенские ребята, вытаращили глаза и открыли рты при виде чудо-машины, дал гудок. Мы со страху бросились врассыпную, оставив на перроне фанерные чемоданчики.

Мою мечту воплотил брат Владимир, член Союза журналистов России, редактор журнала «Природа Прииртышья», издавший более 30 книг.

От матери и отца усвоил правило: за что берешься, делай хорошо или не делай вовсе. Следовал ему и окончил школу с серебряной медалью, в институте был в пятерке лучших.

Переломный момент случился в школе. Мама работала уборщицей, а я оставался после уроков, помогал ей мыть полы. Однажды наблюдал за игрой в шахматы сына секретаря райкома и подсказал его противнику: «Не ходи конем, ладью двигай». Серега взвился: «Ты не подсказывай, а бери тряпку и мой полы». Я не сдержался и ударил ему по носу. То, что сказал мне директор школы Иван Михеевич Черезов, запомнил на всю

жизнь: «Доказывать надо не кулаками, а головой». Это второе правило, которому следую всю жизнь.

Штрихи к портрету

Редакция попросила эксперта-полиграфолога, физиогномиста Артема Павлова оценить мою личность по фотографии, не раскрывая моей фамилии и личных данных.

«...Этот человек всегда четко просчитывает любую ситуацию, у него хорошие бойцовские качества. Высокий уровень рационализма подтверждает высокая линия волос. Это человек идейный, не жадный. Для него идея важнее, чем деньги. Достаточно скрытный, хорошо умеет видеть детали. Сильный руководитель, о чем свидетельствует наличие абстрактного мышления и умения подняться над ситуацией и увидеть ее сверху».

Я рад, что несколько раз менял профессию: инженер транспорта, контрразведчик, менеджер, коммерсант, страховщик. Кто сидит на месте, обрастает мхом. Нужно всегда учиться и идти вперед.

Не люблю фильмы про Джеймса Бонда. Как профессионал вижу много неточностей, ошибок. Мне ближе «17 мгновений весны». Кстати, при его съемках консультировались с опытными чекистами. Особенно дорога фраза Мюллера: «Штирлиц, вы мне чем-то симпатизируете». Это лучшая награда, услышать слова признания от врага. Похожую фразу сказал майор фон Ортель Паулю Зиберту, которого талантливо сыграл Николай Кузнецов, легендарный разведчик, наш земляк, который чем-то близок Штирлицу.

Верю в магию чисел. Бог любит троицу. Мое число – тройка. Родился третьего числа третьего месяца 1933 года. Долгое время жил в доме 73, квартире 103. Гараж 33-й, дача номер 73. Когда был гендиректором российско-венгерского предприятия, поехал подписывать крупный контракт в Будапешт. Один из партнеров засомневался в успехе дела. А в это время коридорный несет ключи от номеров. Я в шутку шепнул: «Если мне сейчас принесут ключи от номера с цифрой три, подпишем контракт!». Мне достался 333-й номер, партнеру – 335-й. Я говорю: «Два контракта подпишем». Так и вышло.

До определенного возраста все женщины просто Лены, Наташи, Кати... Но наступает момент, когда для мужчины она

становится Сикстинской Мадонной. И с этого времени она уже не Лена, она – Мадонна. Для меня такой Мадонной была жена Вера Матвеевна.

Юмор – способ общения образованных людей. Люблю элегантные шутки. Я собрал коллекцию из 600 приличных анекдотов.

Оперативные задачи контрразведчика схожи с работой журналиста. И тому, и другому важно добыть нужную информацию. Из грамотного журналиста можно вырастить хорошего чекиста. Пример: генерал-лейтенант НКВД Павел Фитин до работы в органах сделал блестящую журналистскую карьеру.

КГБ – величайшая школа общения с людьми. Я научился находить общий язык с любыми категориями людей – от государственных преступников до академиков.

Когда ты очень хочешь найти информацию, она сама на тебя выйдет. В контрразведке есть метод сплошного поиска. Я искал родственников скульптора памятника Николаю Кузнецову, что у сельхозакадемии в Тюмени. «Перелопатил» все архивы, библиотеки и музеи, расспросил старожилов Тюмени. А потом нечаянно зашел в кафе «Чердак» (кстати, дом номер 33) и разговорился с его исполнительным директором Екатериной Власовой, как оказалось, дальней родственницей жены скульптора. Она вывела меня на сына скульптора Алексея Клюкина.

Здоровый авантюризм – это претензия на что-то новое. Нельзя бояться перемен.

Мужчина должен быть готов защитить Отечество и свою семью. У чекистов и пограничников есть одна привилегия – первыми встать на защиту Родины.

В сегодняшней России люди разделились на две группы: для одних – ценность деньги, для других – саморазвитие, образование, служение обществу. Считаю, что представители второй группы выигрывают.

Обеспечивать безопасность первых лиц государства – дело нелегкое. Я трижды встречал в Тюмени Ельцина, один раз Горбачева, организовывал их охрану и передвижение. Обычные люди, но судьба возложила на них огромную ответственность.

Моим главным советчиком была жена. Женская интуиция, справедливость и человечность, которые были ей свойственны, подсказывали верный путь.

Отец для дочерей (у меня их две) – это образец, каким должен быть мужчина. Если хочешь для дочек счастья, нужно держать марку.

У меня на балконе свили гнездо голуби. Я часто наблюдаю, как они чистят друг другу перышки, воркуют, целуются. Общение с природой – естественная потребность. При первой же возможности выбираюсь в лес, на речку, летом живу на даче.

Любовь должна быть одна на всю жизнь. Ее не выбирают, не планируют, она сама приходит. Ко мне пришла в 9-м классе. Я был комсоргом, а она перевелась из соседней школы и не заплатила комсомольские взносы. Вызвал, отчитал, она обиделась. Так началось наше знакомство длиною в 46 лет. Десять лет ее нет, и лучше женщины я пока не встретил.

Я заядлый спортсмен и болельщик. Могу сходу назвать биатлонистов Норвегии, Германии, России. Уважаю лыжи, стрельбу, шахматы и волейбол. 15 лет выступал за сборные управлений КГБ по этим видам, получил более 40 грамот. Спорт позволяет развивать дисциплину и выносливость, поддерживать хорошую форму, без него никак нельзя.

80 лет – пока не совсем понимаю, что это такое. Сохранять оптимизм и рабочее настроение человек обязан в любом возрасте.

Одну мысль для себя понял четко. Нужно делать сегодня то, что хочешь сделать, потому что завтра может не быть.

Для себя живут кошки и курицы. Человек разумный живет для чего-то и кого-то.

Жизнь заставила быть гибким, постоянно учиться. На 79-м году освоил Интернет. Сотрудничаю с газетами много лет. Удачным считаю проект к 100-летию Николая Кузнецова «Герой. Разведчик. Легенда», который делал вместе с газетой «Тюменская область сегодня». И великая радость – 27 июля 2011 года в день рождения замечательного разведчика был награжден юбилейной медалью имени Николая Ивановича Кузнецова.

Счастье – это когда ты ежедневно кому-то нужен: на работе и дома. А иначе зачем?

*Записала Елена Михалькова,
член Союза журналистов России*



Генеральный директор ОАО «Аэропорт Рощино»
Поляков Владимир Николаевич на летном поле

Совет ветеранов Управления ФСБ Российской Федерации
по Тюменской области и автор выражают сердечную благодарность
Полякову Владимиру Николаевичу
за помощь в подготовке и опубликовании книги.

Зензин Николай Васильевич

ДВА РАЗВЕДЧИКА С УЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ

РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ

Оформление и компьютерная верстка В. В. Руссу
Корректор В. Ю. Крюкова

Подписано в печать 09.12.2013 г. Формат 143x215.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1326.

ООО «AC-принт»
625048, г. Тюмень, ул. Минская, 3 Г, корп. 3
Тел./факс (3452) 41-99-82